ЗЕМЛЯ ДЛЯ ВСЕХ

Зеркало Мира

Зеркало Мира

Земля для всех

«Автор»
2026

Мира З.

Земля для всех / З. Мира — «Автор», 2026

Книга в процессе редактуры.Дорогой читатель! «Земля для всех» - это история нескольких поколений одной семьи и попытка представить другой путь человечества. Она начинается с четырёх близких друзей, нашедших дом в деревне в тяжелое время, а затем ведёт на двести лет вперёд - через катастрофы, открытия и перемены, способные изменить самые привычные основы жизни.И теперь я с радостью приглашаю тебя в долгожданную вторую часть - «Эпоху перемен». Семья растёт, деревня принимает новых людей, климатические бедствия заставляют многих искать новый дом. Герои учатся жить вместе, сохраняя право каждого на собственный путь. Смертельная болезнь приводит семью к целителю Саулу, его работа привлекает внимание учёного и многочисленных страждущих, а среди череды мировых потрясений появляются первые открытия, в которых уже угадывается иной мир.

© Мира З., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	33
Глава 6	43
Глава 7	47
Глава 8	50
Глава 9	54
Глава 10	58
Глава 11	65
Глава 12	75
Глава 13	79
Глава 14	81
Глава 15	85
Глава 16	88
Глава 17	90
Глава 18	94
Глава 19	114

Зеркало Мира
Земля для всех

Глава 1

Денис долго не мог решиться уехать. В Москве у него оставалась квартира, работа, несколько встреч, которые он переносил уже который раз, и привычка считать любое отступление временным. За двое суток отменились два поезда, на выезде из города выросли очереди, а знакомый написал короткое: «Если есть куда уехать — уезжай сейчас. Потом может быть сложнее». Денис перечитал сообщение трижды и разозлился оттого, что совет был разумным.

Вечером он долго ходил по квартире, складывая вещи в старую дорожную сумку. Документы. Зарядки. Нож. Аптечка. Две футболки. Ноутбук. Всё остальное оказалось предметами из жизни, которую он раньше считал гарантированной. На кухонном столе осталась чашка, в холодильнике — половина сыра, на подоконнике — цветок, который он всё собирался пересадить. Перед выходом Денис остановился в дверях и поймал себя на нелепой мысли: если он сейчас закроет квартиру, то, возможно, никогда не вернётся.

И это заставило его наконец повернуть ключ.

* * *

В поезде он не смог заснуть. Люди говорили вполголоса, сравнивали маршруты, показывали друг другу скриншоты закрытых дорог и спорили, какие новости настоящие. У женщины через проход на коленях дремал мальчик лет пяти. На каждой большой станции она просыпалась раньше него и первым делом смотрела в окно, словно проверяла, существует ли ещё место, куда они едут.

Денис впервые подумал о доме бабы Маши не как о прошлом. Как о точке на карте, где есть колодец, печь, погреб и люди, которым можно позвонить без объяснений.

Он написал в старый общий чат, которым никто не пользовался годами: «Я еду в деревню».

Таня ответила через минуту: «Я уже здесь».

Катя — через пять: «Буду утром».

Маргарита поставила один знак плюс.

Этого оказалось достаточно.

* * *

Поезд опоздал на девятнадцать минут. Десять лет назад Денис обязательно посмотрел бы на часы и раздражённо подумал, что мир катится к черту. Теперь он только усмехнулся. За эти годы он понял простую вещь: мир постоянно куда-то катится, но поезда всё равно приходят, люди всё равно встречаются, а воспоминания всегда приезжают раньше тебя.

Вокзал был тот же. Только людей стало меньше. На площади перед станцией пропала половина вывесок. К заправке через дорогу растянулась длинная очередь машин. Спорили о том, сколько литров отпускают в одни руки. Двое мужчин молча курили возле автобуса ещё советских времён, не глядя друг на друга.

Денис поставил сумку на землю и с наслаждением вдохнул знакомый воздух. Пахло пылью, нагретыми шпалами и яблоками. Он осознал, что именно этот запах вспоминал все последние годы.

* * *

Деревня встретила его непривычной тишиной. Не той летней, когда слышны кузнечики, далёкие собаки и чей-нибудь радиоприёмник за открытым окном. Люди старались говорить тише. Тревожные новости тяжёлым облаком заглушали обычную суету.

Дом бабы Маши почти не изменился: те же покосившиеся ворота, та же старая яблоня, только ветви стали тяжелее, и крыша заметно просела. Самой бабы Маши давно уже не было. После неё дом так и остался стоять — сначала как память, потом как место, куда никто из них не решался окончательно закрыть себе дорогу.

Когда-то Денис, Таня, Маргарита и Катя проводили здесь почти каждое лето. Потом выросли, разъехались и научились жить так, будто этот дом принадлежал другой жизни.

Теперь тяжёлое время привело их обратно. Дороги закрывались, города становились всё менее надёжными, будущее сжималось до нескольких ближайших дней — и каждый в какой-то момент вспомнил об одном и том же месте, где когда-то было безмятежно и счастливо.

Он толкнул калитку. Она, как и десять лет назад, скрипнула жалобно.

— Всё-таки живая... — тихо сказал он сам себе.

— А куда ей деваться? — раздался за спиной голос.

Денис вздрогнул. Таня.

Он узнал её сразу — прежде всего по голосу. За десять лет голос стал ниже, спокойнее, глубже. Таня стояла в нескольких шагах, без косметики, в простой светлой рубашке. Волосы были короче, чем тогда.Те же сияющие глаза.

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

— Привет.

— Привет.

И снова тишина. Та самая, которую невозможно заполнить словами.

— Ты совсем не изменился, — сказала Таня.

— Врёшь.

Она усмехнулась и покачала головой.

— Конечно, изменился. Но я сразу тебя узнала.

Денис рассмеялся. Впервые за много месяцев.

— Остальные уже приехали?

— Маргарита вчера. Катя сегодня утром. Ждут нас.

— Где?

— Там, — сказала Таня и кивнула вверх, где за крышей старого дома виднелось маленькое чердачное окно.

— Где же ещё. На чердаке.

Денис поднял взгляд. Пыльное окно светилось закатным солнцем. Казалось, за эти годы там никто не открывал ставни. Накрыло ощущением, что стоит подняться по скрипучей лестнице — и время снова перестанет идти по прямой.

Оба рассмеялись. Смех вышел неловкий.

— Пойдём?

— Пойдём, — ответил Денис, и они пошли рядом, не торопясь, будто боялись спугнуть этот момент.

Внутри пахло деревом и чем-то ещё — воспоминаниями, которые не выветриваются.

Катя уже сидела там, поджав ноги. Она подняла голову, улыбнулась.

— Ну наконец-то! — сказала она.

— Я думала, вы так и не соберётесь.

Маргарита сидела у окна молча. Но в её глазах читалось всё сразу: и радость, и осторожность, и какой-то тихий вопрос, который никто пока не решался озвучить.

— Мы все тут, — тихо сказал Денис.

Солнечные полосы лежали на полу чердака. Такие же полосы света когда-то падали на их детские плечи, и тогда казалось, что лето бесконечно, а мир умещается в одном дворе.

— Помнишь, как ты прятал здесь стекляшки? — сказала Катя, глядя в пол, как будто те самые разноцветные осколки могли снова блеснуть.

— Помню, — усмехнулся Денис.

— Ты ещё тогда сказала, что это сокровища.

Таня прислонилась к стене.

— И что? Сокровища не исчезли, — сказала она с той самой кривой улыбкой.

— Просто теперь они другие.

Пыль в лучах казалась живой, словно память, которая никогда не спит. От этого становилось не по себе: разговор явно не ограничится детством. Рано или поздно придётся коснуться того, что наболело уже по-взрослому.

На полу у стены сохранилась низкая деревянная коробка. Катя подцепила крышку ногтем, подняла её и чихнула от пыли.

— О, археология.

Внутри лежали пуговицы, несколько выцветших фантиков, обломок карандаша, две стекляшки и школьная тетрадь без обложки.

— Вот! — Катя подняла зелёный кусочек стекла. — Это и было главное сокровище.

— Главное было синее, — сказал Денис.

— Зелёное.

— Синее.

Таня забрала осколок, посмотрела на свет.

— Вообще-то главное было зеркальное.

Маргарита фыркнула.

— Вы все врёте. Главное сокровище Денис потерял через два дня и потом обвинял нас.

Денис повернулся к ней.

— Я никого не обвинял.

Три женщины одновременно посмотрели на него.

— Хорошо, — сказал он. — Возможно, обвинял.

Они рассмеялись, но смех быстро стих. У каждого было своё прошлое, о котором пока не хотелось говорить.

Катя раскрыла тетрадь. На первой странице детским почерком было написано четыре имени, а ниже — правило: «Никого не бросать».

— Господи, — сказала Таня. — Мы были очень пафосные дети.

— По-моему, прекрасное правило, — возразила Катя.

Маргарита провела пальцем по выцветшим буквам.

— Интересно, кто первый его нарушил.

Никто не ответил сразу.

Денис сел на старую тахту.

— Наверное, все.

— Удобно, — сказала Таня. — Коллективная ответственность.

— А что, ты хочешь назначить виноватого?

— Нет.

Она помолчала.

— Я хочу понять, почему мы десять лет могли не видеть друг друга и всё равно приехали сюда почти одновременно.

Катя закрыла тетрадь.

— Потому что страшно.

Маргарита покачала головой.

— Не только.

— А почему ещё?

— Когда всё становится ненадёжным, человек вспоминает не самое удобное место. Самое настоящее.

Таня усмехнулась:

— Смотри-ка. А я думала, это Денис у нас отвечает за философию.

— Я отвечаю за занудство, — сказал Денис.

— Это правда.

Пауза снова стала мягче.

— Ладно, — сказала Катя. — Тогда без отчёта за десять лет. Один вопрос каждому.

— Какой?

Она подумала.

— Что вы больше всего не хотите сейчас потерять?

— Отличное начало приятного вечера, — пробормотала Таня.

— Возможность самой решать, что делать дальше, — ответила Маргарита.

Катя посмотрела на неё внимательнее, будто услышала больше, чем было сказано.

— Я не хочу снова оказаться где-то, где никому не нужна, — сказала она после паузы.

Таня долго крутила в пальцах зелёную стекляшку.

— Я не хочу ещё раз обнаружить, что живу жизнь, которую выбрала не я.

Остался Денис.

Он хотел отшутиться. Потом посмотрел на детское «Никого не бросать».

— Не хочу быть беспомощным.

Таня сразу подняла глаза.

— Вот это на тебя похоже.

— Я старался.

Катя убрала тетрадь обратно в коробку, но уже не закрыла крышку.

— Значит, на сегодня хватит честности.

— На неделю вперёд, — сказала Таня.

Когда они вышли на крыльцо, воздух был густой, пах мокрой травой и далёким дымком. Солнце уже коснулось верхушек яблонь, и после чердака всем стало тесно в собственных мыслях.

Таня постояла секунду, будто прислушиваясь не к дороге, а к себе.

— Пойдём к реке.

Никто не спросил зачем. Катя первой сошла с крыльца, Маргарита сунула руки в карманы, Денис прикрыл за собой калитку.

К реке шли старой дорогой. Она стала уже: кусты подступили к колее, у забора Петровых выросла новая рябина, а низкое место перед поворотом всё так же собирало воду. Катя привычно обошла лужу справа и только потом рассмеялась.

— Ноги помнят лучше головы.

— Это тревожный диагноз, — сказала Маргарита.

— Для нашего возраста — нормальный.

Таня шла впереди, задевая носком сухие листья. Денис смотрел на знакомую дорогу и отчаянно пытался не сравнивать её с той, прежней. Изменилось слишком многое. Но поворот к воде был на месте.

У мостков они заговорили не сразу. Катя села первой и свесила ноги. Маргарита устроилась рядом, осторожно проверив старую доску ладонью. Таня осталась стоять у края, а Денис смотрел на тёмную воду, в которой уже не отражалось небо.

Несколько минут было слышно только плеск у свай и редкий звук машины далеко за деревней.

— Вы замечали, — сказала Маргарита, — что мы весь вечер разговариваем так, будто должны немедленно решить, зачем приехали?

Катя повернулась к ней.

— А разве не должны?

— Вот именно. Я не знаю.

Таня усмехнулась.

— Кажется, «не знаю» сегодня побеждает.

Денис сел на край мостков.

— Тогда хотя бы без новых великих клятв.

Таня посмотрела на него.

— А помните старую?

Катя тихо сказала:

— «Никогда не разъедемся».

Маргарита фыркнула, но без веселья.

— Отлично сработало.

— Клятвы — недолговечные конструкции, — сказал Денис.

— Особенно твои конструкции, — отозвалась Таня.

Он хотел ответить, но передумал. В детстве им казалось, что близость можно защитить обещанием. Потом каждый жил свою жизнь — и никто никого формально не бросал, но все на десять лет исчезли из жизни друг друга.

Катя провела ладонью по доске.

— А что тогда можно обещать?

Маргарита покачала головой.

— Может, ничего.

Таня наконец села рядом с Денисом.

— Значит, будем учиться заново.

На этот раз никто не стал объяснять, что она имела в виду. Они ещё немного посидели над водой. Катя сняла босоножку и коснулась носком реки, сразу отдёрнула ногу.

— Холодная.

— Сенсация, — сказала Маргарита. — Вода вечером холоднее воздуха.

Катя плеснула в её сторону. Не попала. Все засмеялись — коротко, уже без той тяжести, с которой вышли из дома.

Когда солнце ушло за лес, стало прохладнее. Маргарита первой поднялась.

— Пойдём. Я не собираюсь в первый же день простудиться ради символизма.

Обратно шли медленнее. Теперь молчание не давило. Катя с Маргаритой спорили, какого цвета была потерянная стекляшка, Таня несколько раз оказывалась рядом с Денисом и снова уходила вперёд. Никто не пытался зацепиться за этот вечер словами.

За поворотом показалась крыша дома. В одном из окон блеснул последний тёплый свет.

У калитки Таня подняла голову к чердачному окну.

— Ещё посидим?

— Конечно, — сказала Катя.

И они снова вошли в дом.

Глава 2

Первым заговорил Денис.

— Знаете, что самое странное? — спросил он, когда они снова поднялись на чердак. — Я почему-то думал, что он будет меньше.

— Чердак? — спросила Маргарита.

— Всё. Дом. Дорога. Речка. Вы.

Таня повернулась к нему.

— Ну спасибо.

— Я не в этом смысле.

— А я именно в этом.

Она улыбнулась, и Денис поймал себя на том, что смотрит на неё слишком пристально.

Десять лет — это довольно много, чтобы человек изменился, но совершенно недостаточно, чтобы забыть некоторые движения. Таня по-прежнему чуть откидывала голову, когда собиралась сказать что-нибудь колкое. Всё так же щурила левый глаз, если солнце било сбоку. И ещё сохранила бессознательную привычку поправлять одежду на плече, когда чувствовала на себе его взгляд.

Теперь на ней была простая тонкая футболка, и мягкий вечерний свет очерчивал под тканью линии взрослого тела. Денис заметил это — мгновенно, без всякого решения со своей стороны, — и одновременно заметил, что Таня заметила его взгляд.

Она ничего не поправила.

Только посмотрела ему прямо в глаза.

На какую-то секунду между ними возникло старое, почти забытое ощущение: не действие, даже не намерение, а знание. Когда два человека точно понимают, что происходит между ними, и потому могут ничего не объяснять.

— Вот теперь ты действительно вернулся, — тихо сказала она.

— Почему?

— Ещё недавно ты смотрел на меня как на исторический памятник.

Катя рассмеялась.

— Таня, десять лет прошло, а ты всё такая же.

— Нет, — сказала Таня. — Я гораздо хуже.

— Это радует, — сказал Денис.

— Тебя всегда радовали сомнительные вещи.

Снаружи что-то прогрохотало. Звук пришёл издалека — короткий, тяжёлый, раскатившийся над полями. Они одновременно замолчали. Маргарита первой достала телефон.

— Опять?

Связь на чердаке ловила плохо. Она повернула экран к окну.

— В районе объявили беспилотную опасность.

РАЙОННАЯ СИСТЕМА ОПОВЕЩЕНИЯ

В районе объявлена беспилотная опасность. Жителям рекомендовано сохранять осторожность и следить за официальными сообщениями.

Телефон Маргариты завибрировал ещё раз. На этот раз сообщение из деревенского чата.

«Над восточным полем слышно. С чердаков и от окон уйдите».

Все четверо одновременно посмотрели на маленькое окно.

Денис уже хотел сказать, что между «слышно» и реальной опасностью огромная разница, когда снаружи пришёл новый звук. Не взрыв. Тонкое, неприятное жужжание, которое несколько секунд невозможно было привязать ни к одной знакомой вещи.

Таня первой встала с балки.

Она шагнула к Денису и на секунду взяла его за руку. Сжала пальцы, будто проверяя, что он рядом.

— Вниз.

Как ветром их сдуло с чердака. В доме не было настоящего укрытия. Крошечный погреб не в счёт. Денис машинально осмотрел окна, несущие стены, коридор между кухней и кладовой. Маргарита уже искала в телефоне рекомендации. Катя стояла с подушкой, и только потом заметила, что сжимает её в руках.

— Прекрасно. Если что, я защищу нас подушкой.

— Лучше голову, — сказал Денис.

— Спасибо, капитан.

Они уселись на полу в узком проходе. Четыре взрослых человека, приехавшие поговорить о прошлом, напряжённо вслушивались в звуки сверху. Жужжание исчезло. Через минуту далеко бахнуло. Потом ещё раз. Стёкла не дрогнули.

Денис почувствовал знакомое желание начать объяснять расстояния, вероятность, устройство ПВО — всё, что превращало страх в систему. И еле сдержал все эти ненужные слова.

Катя придвинулась ближе к стене.

— Ненавижу, что к этому можно привыкнуть.

Таня посмотрела на неё.

— Не привыкай.

— А как?

— Не знаю.

И это «не знаю» прозвучало честнее любых инструкций.

— Насколько далеко? — спросила Катя.

— Непонятно.

Прошло несколько напряжённых минут. Жужжание не повторилось. Маргарита обновила официальную ленту, потом соседский чат.

— Пишут, что ушло дальше. Отбоя пока нет, но над нами тихо.

Они ещё посидели в коридоре. Катя наконец положила подушку на пол.

— Я считаю, свою часть обороны я выполнила.

Таня поднялась первой.

— Пойдём наверх. Если снова зажужжит — спустимся ещё раз.

На чердак поднимались уже медленнее. Опасность никуда не исчезла, но снова стала чем-то далеко за стенами дома, а не прямо над головой.

Денис подошёл к маленькому чердачному окну. За ним лежала совершенно мирная картина: крыши, сады, огороды, полоска леса, вечернее небо, в котором медленно растворялись последние лучи.

Эта нормальность делала всё происходящее особенно страшным.

Двадцать лет назад они боялись совершенно других вещей. Что позовут домой. Что кто-нибудь пожалуется взрослым. Что игра закончится раньше времени. Что внезапно выяснится: ты трус, ты слабый, ты кому-то не нравишься.

Теперь по небу летали аппараты, которых тогда не существовало даже в их воображении.

— Привыкли? — спросил Денис.

Маргарита пожала плечами.

— А куда деваться?

— Слоган нашего времени, — сказала Катя. — «А куда деваться».

Таня сидела на старой деревянной балке, поджав ногу.

— К хорошему привыкают быстро. К плохому, оказывается, ещё быстрее.

— Это защитный механизм, — сказал Денис.

— Вот только не начинай.

— Что?

— Объяснять нам жизнь.

Он посмотрел на неё и рассмеялся.

— Хорошо.

— Ты когда-нибудь научишься жить, а не анализировать, почему ты живёшь?

— Нет.

— Я так и думала.

На чердаке сгущалась темнота. Маргарита включила старую лампу, висевшую на проводе. Она загорелась не сразу, сначала несколько раз мигнула, затем очертила пространство жёлтым кругом.

И вместе с этим светом чердак стал почти таким, каким был тогда. Старая тахта у стены. Коробка со старыми журналами. Гвоздь в балке. Щель между досками, через которую можно было смотреть вниз.

Даже обломок деревянной сабли валялся в углу. Катя первой его увидела.

— Не может быть.

Она подняла саблю.

— Это она?

Денис взял её в руки.

Дерево рассохлось, рукоять была обмотана почти истлевшей синей изолентой.

— Кажется, моя.

— Нет, — сказала Таня. — Твою мы сломали.

— Кто «мы»?

— История.

— История много чего сломала.

— Особенно тебе голову.

Таня забрала саблю и резко приставила её конец к его груди.

— Сдавайся.

Денис посмотрел сначала на саблю, потом на неё.

— Ни за что.

— Ошибка.

— Почему?

Она приблизилась ещё на полшага.

— Теперь у меня десять лет дополнительного опыта.

— У меня тоже.

— У тебя десять лет дополнительной самоуверенности. Это другое.

Катя снова рассмеялась, а Маргарита сказала:

— Только дом не разнесите. Он пережил слишком многое.

За окном опять послышался далёкий грохот.

На этот раз никто не посмотрел в телефон.

Несколько минут спустя снаружи снова глухо бухнуло. Маргарита посмотрела на деревянную саблю в руках Тани, потом на часы.

— Пять минут назад мы дрались деревянной саблей.

— Можем продолжить, — сказала Таня.

Они засмеялись каким-то нервным смехом. Напряжение ещё не отпустило.

Через двадцать минут районная лента дала отбой. Разговор перешёл на бензин.

— На нижней заправке сегодня опять ограничение, — сказала Катя. — По двадцать литров.

— Вчера было тридцать.

— Значит, жизнь налаживается.

— Или наоборот.

— У меня половина бака, — сказала Маргарита. — Я теперь считаю его почти стратегическим резервом.

— А помните, — сказал Денис, — когда мы вообще не думали о бензине?

Таня посмотрела на него.

— Конечно. У тебя был велосипед.

Он рассмеялся.

Слово оказалось точным ключом.

Велосипед.

Старый, тяжёлый, совершенно неубиваемый. Тогда расстояния измерялись не километрами и не литрами топлива. Они измерялись временем. Сколько идти до речки. Сколько ехать до магазина. Успеешь ли вернуться до темноты.

Теперь у каждого была машина, телефоны знали маршрут до сантиметра, спутники видели дороги сверху. Но мир стал не ближе, а гораздо сложнее.

— Велосипед ещё жив, — сказала Таня.

— Что?

— В сарае.

— Не может быть.

— Может. Баба Маша ничего не выбрасывала.

— Пойдём.

— Сейчас?

— Конечно.

— После тревоги ты хочешь лезть в сарай?

— Отбой уже дали.

Они спустились.

В сарае пахло старым железом, землёй и машинным маслом. В глубине, за какими-то досками и ржавым ведром, действительно стоял велосипед.

Денис вытащил его наружу.

— Господи.

На раме едва читалось знакомое название. Шины давно спустили. Цепь покрылась рыжим налётом. Руль был немного перекошен. Но это был он. Денис провёл ладонью по раме. Тогда Таня подошла к нему сзади.

— Ну что, — сказала она, — теперь совсем накрыло?

Он обернулся. Она стояла очень близко. Не та девочка из памяти. Взрослая женщина. Сейчас различие между памятью и реальностью стало особенно очевидным.

Денис видел её лицо, мелкие линии возле глаз, появившиеся от солнца и смеха, видел тонкую цепочку на шее, тень от подбородка. Его взгляд на мгновение опустился ниже, задержался на силуэте под футболкой — и снова вернулся к глазам.

Таня усмехнулась.

— Всё-таки некоторые вещи не меняются.

— Некоторые становятся лучше.

— Осторожнее.

— С чем?

— С честностью. Ты за десять лет мог отвыкнуть.

— Не отвык.

Она посмотрела на него ещё секунду, затем легко толкнула плечом.

— Тащи велосипед. Посмотрим, способен ли ты хотя бы колесо накачать.

* * *

К реке они пошли уже почти ночью.

После душного чердака и тревоги никому не хотелось расходиться по комнатам. Катя сказала, что ей нужен воздух. Таня сразу предложила воду, и спорить никто не стал.

Телефоны несколько раз присылали уведомления. Где-то далеко работала ПВО. В соседнем районе пропал свет. В сельском чате писали про очередную закрытую заправку, истерили из-за цен, кто-то выкладывал видео неизвестного огонька в небе.

А они шли к реке.

Четверо взрослых людей. У каждого за плечами — работа, кредиты, переезды, расставания, смерти знакомых, страхи и столько пережитого, что не расскажешь в нескольких предложениях.

Но дорога знала их другими.

Она помнила четыре лёгкие фигуры, которые когда-то бегали здесь босиком.

Луна вышла из-за деревьев.

Вода была чёрной.

— Купаться? — спросила Катя.

— Ты сумасшедшая, — сказала Маргарита.

— Абсолютно.

— Вода холодная.

Катя сняла обувь.

— Именно поэтому.

Таня посмотрела на Дениса.

— Ну?

— Что «ну»?

— Трансформация произошла? Или московский мальчик всё ещё боится холодной воды?

— Я никогда её не боялся.

— Конечно.

Она первой пошла к воде.

Денис смотрел ей вслед — не пытаясь делать вид, что не смотрит.

В движениях Тани была та спокойная свобода, которую некоторые приобретают после тридцати: когда тело уже не является ни декларацией, ни обещанием, ни поводом кому-то что-то доказывать. Оно просто принадлежит тебе.

Они зашли в реку.

Вода была ледяной.

— Твою мать! — выдохнула Маргарита.

— Вот! — радостно сказала Катя. — Вот теперь я понимаю, что живая.

— Для этого существуют менее идиотские способы.

— Назови хоть один.

Таня взвизгнула и плеснула водой Денису в лицо. Он ответил. Через секунду всё превратилось в совершенно нелепую битву взрослых людей, которые забыли, сколько им лет. Они хохотали так громко, что где-то на другом берегу залаяла собака.

А потом всё стихло. Денис отплыл немного дальше. Лёг на спину. Над ним было огромное ночное небо. Он слышал плеск воды, голоса женщин, стрёкот насекомых, далёкий гул неизвестно чего. И впервые за очень долгое время почувствовал странное отсутствие необходимости куда-либо двигаться.

Это было не счастье, не ностальгия и не покой. Что-то проще. Присутствие. Таня подплыла почти бесшумно.

— Эй.

— Я здесь.

— Ты куда исчез?

— Никуда.

— Редкое состояние для тебя.

Она тоже легла на спину рядом.

Несколько секунд они смотрели вверх.

— Странный мир получился, — сказала Таня.

— Какой?

— Наш.

— А какой должен был?

— Не знаю. В детстве я думала, что к этому возрасту всё будет уже понятно.

— А оказалось?

— Оказалось, что становится только интереснее.

Он повернул голову к ней.

— Это хорошее слово.

— Какое?

— Интереснее.

Таня тоже повернулась. Их лица оказались близко. Слишком близко для случайности. И достаточно далеко, чтобы ничего не произошло.

Денис почувствовал тот самый древний электрический импульс, который человеческое тело узнаёт раньше сознания: дыхание меняется едва заметно, внимание сужается, весь огромный мир сокращается до расстояния между двумя людьми.

Таня смотрела спокойно. Не отводила глаз.

— Денисик.

— Что?

— Не придумывай сейчас ничего умного.

— Даже не собирался.

— Вот и хорошо.

И первой отплыла в сторону.

Он остался лежать на воде и улыбался.

Обратно шли гораздо медленнее.

Одежда липла к коже. Ночь была тёплой. Где-то за деревней отключили электричество, и горизонт разом потемнел.

— Свет лёг, — сказала Маргарита.

— У нас тоже?

— Сейчас увидим.

Когда подошли к дому, окна были тёмными.

Таня зажгла фонарь телефона.

— Свечи на кухне.

— Ты откуда знаешь?

— Я здесь жила, если ты забыл.

На кухне нашлись три свечи. Одна стояла в блюдце, две — в гранёных стаканах. Налили чай из термоса. Сели вокруг стола. Свечи совершенно меняли лица. Меняли возраст. Высвечивали глаза. За окном шумели деревья.

И вот тогда Катя сказала:

— Давайте только сегодня не обсуждать, что с нами произошло за десять лет.

— Почему? — спросила Маргарита.

— Завтра всё равно начнём. Кто женился, кто развёлся, кто кого похоронил, кто куда уехал, кто сколько зарабатывает, кто чего боится. Всё это будет.

— А сегодня давайте просто будем теми, кто сюда приехал.

Таня подняла кружку.

— Поддерживаю.

Маргарита тоже.

Денис последним коснулся своей кружкой остальных.

— За что?

Таня посмотрела на него через огонь свечи.

— За то, что мы ещё можем вернуться.

— В прошлое?

Она покачала головой.

— Нет. Туда нельзя.

И чуть улыбнулась.

— Друг к другу.

Несколько секунд все молчали. А потом за окном снова раздался далёкий взрыв. Стекло заметно дрогнуло. Маргарита посмотрела в окно, Катя — на огонь. Таня — на Дениса. Никто не потянулся за телефоном.

Глава 3

После последнего далёкого взрыва не хотелось расходиться.

У каждого имелась комната, кровать, телефон, зарядка, привычные вечерние дела. Можно было разойтись, закрыться, полистать новости, проверить сообщения, убедиться, что мир продолжает разваливаться без их участия.

Но никто не ушёл.

Свечи оплывали медленно. Воск собирался у края блюдца, затем тонкой дорожкой стекал вниз.

Таня сидела напротив Дениса и время от времени смотрела на него поверх кружки. Не прятала взгляд, но и не задерживала слишком долго.

Маргарита это заметила первой.

Конечно, заметила.

— Вы двое сейчас очень смешные.

— Кто? — спросила Таня.

— Вы.

— Почему?

— Десять лет прошло, а вы смотрите друг на друга так, будто опять боитесь, что кто-нибудь войдёт и всё испортит.

Катя тихо рассмеялась.

Денис покачал головой.

— Ничего мы не боимся.

— Поэтому всё особенно заметно, — сказала Маргарита.

Таня поставила кружку.

— Марго, ты всегда была невыносима.

— Зато наблюдательна.

— Это одно и то же.

— Нет. Невыносимой я становлюсь после второго стакана.

— У нас чай.

— Значит, всё ещё впереди.

Катя посмотрела на часы.

— Уже почти полночь.

— И?

— И ничего.

Слово «ничего» прозвучало освобождающе. Никуда не надо было ехать. Никому не надо было отчитываться. Никто не ждал их на другой стороне этой ночи. Мир за стенами жил своей тревожной жизнью.

Где-то мигали аварийные фонари. Где-то спорили из-за топлива. Кто-то, вероятно, прямо сейчас паковал вещи. Кто-то получал повестку. Кто-то удалял старые сообщения. Кто-то пытался купить билет. А здесь старая кухня, четыре кружки и три свечи.

И, как ни странно, это казалось важнее всего остального.

— Пойдём наверх, — сказала Таня.

— Опять на чердак? — спросила Катя.

— А куда ещё?

— Мы же взрослые люди.

— Тем более.

Поднялись по очереди. Лестница скрипела так громко, будто хотела известить весь дом. На чердаке было свежо. Через открытое окно тянуло ночным воздухом. Принесли одеяло и подушки. Катя раскопала старую колоду карт, половины карт не хватало.

— Играем?

— Во что?

— В игру, правил которой никто не знает.

— То есть как в жизни.

— Именно.

Они уселись на пол.

Таня напротив Дениса.

Маргарита у окна.

Катя, завернувшись в одеяло, сбоку.

Пошли истории.

Не истории жизни.

Не те, которые обычно пересказывают друзьям после десяти лет разлуки.

Наоборот — самые незначительные.

О том, как Катя ночью ехала через полстраны в пустом вагоне.

Как Маргарита три месяца жила в чужой квартире и каждое утро просыпалась, не понимая, где находится.

Как Таня купила билет в город, куда никогда не собиралась ехать, потому что не могла больше оставаться там, где была.

Истории казались мелкими. Но пока они звучали, никому не приходилось оставаться наедине со своими мыслями.

Катя рассказала, как однажды ехала ночью почти через полстраны в вагоне, где кроме неё оставались пожилая женщина с клеткой для кота и проводник. На каждой станции табло показывало новые задержки. Телефон разрядился. За окном были одинаковые тёмные платформы. В какой-то момент Катя поняла, что никто точно не знает, где она находится, но вместо страха испытала облегчение.

— Почему облегчение? — спросила Маргарита.

Катя пожала плечами.

— От меня ничего не требовалось. Даже отвечать на сообщения было нечем.

— Очень здоровая психика, — сказала Таня.

— Зато честная.

Маргарита рассказала про чужую квартиру. Три месяца она жила среди чужих фотографий, чужой посуды, чужих книг и каждый вечер ставила сумку у двери так, чтобы можно было уйти за пять минут. Она не распаковывала половину вещей.

— Зачем?

— Не знаю. Мне казалось, если разложу всё по шкафам, признаю, что это надолго.

Денис посмотрел на неё.

— Ты даже временную жизнь пыталась контролировать.

— Конечно. А как иначе?

Таня долго молчала, прежде чем рассказать свою историю. Она не назвала город, из которого уезжала, и никто не спросил. Сказала только, что однажды утром поняла: если проживёт ещё один точно такой же день, потом второй, потом год, однажды проснётся человеком, которого сама не выбирала.

— И ты поехала?

— Да.

— Куда?

— Неважно.

— Самое смешное, через два дня я вернулась. Но уже знала, что могу уйти.

Денис слушал и думал, что десять лет назад все они рассказывали друг другу почти всё. Теперь каждый принёс с собой целую жизнь, которую невозможно было пересказать за ночь. И, возможно, близость теперь состояла не в том, чтобы знать все подробности, а в том, чтобы не требовать их.

— А ты? — спросила Катя.

Он рассказал про утопленный телефон. О трёх днях без связи. Вместе с телефоном в реке исчезли маршрут, контакты и адрес гостиницы. Пришлось спрашивать людей. Запоминать дорогу. Вернуться пешком в темноте.

— И что было хуже всего? — спросила Таня.

Денис подумал.

— Что я не мог никому сообщить, что у меня всё нормально.

— А потом?

Денис пожал плечами.

— А потом купил новый.

На этот раз все рассмеялись уже легко и почти беззаботно.

Через какое-то время разговор затих. Слова подошли к тому месту, где им становилось тесно. Таня сидела, опираясь ладонями позади себя. Футболка слегка натянулась на груди, и Денис невольно отметил это.

Так же естественно, как раньше отмечал оттенки света, запах дождя или движение воды. Теперь он был достаточно взрослым, чтобы не путать наблюдение с обязательством что-то делать. И достаточно честным, чтобы не притворяться, будто ничего не замечает.

Таня поймала его взгляд. И опять не сказала ни слова. Только чуть приподняла бровь. Денис улыбнулся. Она ответила почти незаметно. Это длилось секунду. Но Маргарита, разумеется, увидела.

— Господи, — пробормотала она.

— Что? — спросила Таня.

— Ничего.

— Говори.

— Вы можете хотя бы иногда быть менее очевидными?

— Мы ничего не делаем.

— Вот именно. Поэтому и очевидно.

Катя рассмеялась.

— Оставь их.

— Я и оставляю. Просто хочу присутствовать при историческом событии.

— Каком?

Маргарита торжественно сказала:

— Дэн научился молчать.

— Это временно, — ответила Таня.

— Спасибо за веру.

— Всегда пожалуйста.

Около часа ночи заработал интернет.

Сразу все телефоны ожили.

Уведомления посыпались почти одновременно.

ТЕЛЕФОННАЯ ЛЕНТА: НОЧНЫЕ УВЕДОМЛЕНИЯ

Беспилотная опасность сохраняется.

В соседнем районе — частичное отключение электроснабжения.

Заправка у трассы закрыта.

На отдельных участках дороги введены ограничения движения.

Новости, предупреждения, сообщения, чьи-то фотографии.

Очередное видео с горящим объектом.

Курс валют, сводки, закрытые и открытые дороги, чьи-то истерические прогнозы.

Чьи-то бодрые объяснения, что всё нормально.

Денис посмотрел на телефон и перевернул экраном вниз. Таня сделала то же самое. Следом — Катя. Последней — Маргарита.

— Мы сейчас добровольно отключились от цивилизации? — спросила она.

— На двадцать минут, — сказал Денис.

— Радикал.

— Террорист практически.

— Экстремист тишины.

— Хорошее название.

Таня сказала:

— Давайте выключим.

— Телефоны?

— Совсем?

— На ночь.

Маргарита посмотрела на неё так, будто та предложила сжечь документы.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно.

— А если что-то случится?

— Оно всё равно случится.

— Железно.

— Я старалась.

Первой выключила телефон она. Следом — Денис. Катя — почти сразу. Маргарита ещё секунд десять держалась. Потом сдалась. И наступила тишина. Настоящая. Та, в которой нет скрытого ожидания сигнала. Нет вибрации в кармане.

Нет невидимого мира, который требует внимания. Только люди. И пространство между ними.

— А помните, как мы тогда играли? — спросила Катя.

Таня прищурилась.

— Ты про какое «тогда»?

— Про то самое.

— Катюша.

— Что?

— Ты прекрасно знаешь, что делаешь.

— Конечно.

Денис почувствовал, как внутри что-то отозвалось. Не воспоминание в деталях. Скорее общий вкус времени. Запах воды. Кожа после солнца. Неловкость. Смех. Чувство, что они открывают мир, которого до них не существовало.

— Я помню, — сказал он.

Таня смотрела на него.

— Всё?

— Достаточно.

— Опасный ответ.

— Почему?

— Человек думает, что помнит больше, чем было на самом деле.

— А ты?

Она помолчала.

— Я помню ощущения лучше событий.

— Вот и я.

— Например?

— Например, что рядом с тобой всё время было ощущение, будто я делаю что-то впервые.

Таня перестала улыбаться. Эти слова проникали глубже, чем они оба ожидали.

— Это красиво, — сказала она.

— Это правда.

— Ещё хуже.

— Почему?

— Красивые слова обычно проходят.

— А правда?

— Остаётся.

И снова тишина.

На этот раз совсем другая.

Катя уснула первой. Прямо на полу, завернувшись в одеяло.

Маргарита ещё какое-то время держалась, потом тоже легла у стены.

— Я не сплю, — сказала она.

— Конечно, — ответила Таня.

Через пять минут дыхание Маргариты стало ровным. Денис и Таня остались у окна. Так получилось само собой. Ночь за окном была безветренной. Вдалеке мигала красная точка вышки. По дороге проезжали редкие машины.

— Вот теперь странно, — сказал Денис.

— Что?

— Мы снова здесь.

— Мы уже это обсуждали.

— Нет. Не место.

Он повернулся к ней.

— Мы.

Таня некоторое время молчала.

— Да.

— Ты когда-нибудь представляла это?

— Что мы встретимся?

— Так.

— Иногда.

— Часто?

— Не льсти себе.

Он рассмеялся.

— Значит, часто.

— Значит, иногда.

— Хорошо.

Она сидела совсем близко. Настолько, что Денис чувствовал тепло её плеча. Не касание. Тепло. И это действовало сильнее любого прикосновения.

— Ты сильно изменилась, — сказал он.

— Ты тоже.

— Я про другое.

— Я знаю.

— И?

Она посмотрела прямо на него.

— И мне нравится.

Он не сразу понял, о чём именно она говорит. О нём? О себе? О том, что между ними происходит? Или обо всём сразу.

— Мне тоже, — сказал он.

Таня улыбнулась.

— Очень содержательный разговор.

— Иногда можно.

— Деничка.

— М?

— Не превращай сейчас это в анализ.

— Не буду.

— Обещаешь?

— Нет.

Она засмеялась тихонько, чтобы не разбудить остальных. Потом положила голову ему на плечо.

Так, будто десять лет между ними были не временем, а длинной дорогой, которую каждый прошёл отдельно, чтобы наконец снова оказаться здесь.

Денис замер. Боялся неосторожным движением спугнуть этот момент. Таня это почувствовала.

— Расслабься.

— Я расслаблен.

— У тебя плечо каменное.

— Это возраст.

— Врёшь.

— Немного.

Она устроилась удобнее.

И несколько минут они сидели.

— Знаешь, что самое обидное? — сказала Таня.

— Что?

— Нам раньше казалось, что близость — это обязательно что-то невероятное.

— А теперь?

— А теперь я думаю, что это когда можно молчать и не чувствовать пустоты.

Денис скользнул взглядом по тёмному, как бездонная пропасть, окну.

— Очень взрослая мысль.

— Ужасная.

— Почему?

— Я не хотела становиться взрослой.

— А кем хотела?

— Собой.

Он улыбнулся.

— Получилось?

Таня задумалась.

— Иногда.

— Сегодня?

Она подняла голову с его плеча и посмотрела на него.

— Сегодня — да.

Потом снова уютно устроилась рядом.

И Денис понял, что ему нечего добавить.

Глава 4

Под утро стало холодно. Катя проснулась, посмотрела на них и усмехнулась. Маргарита открыла глаза минут через десять.

— Кофе есть?

— Нет электричества.

— Тогда цивилизация окончательно рухнула.

— Внизу газ.

— А, значит, ещё держимся.

Они спустились на кухню. Поставили турку. Открыли окно. Небо посерело. Птицы пели так, будто в мире ничего не происходило. Ни войн. Ни кризисов. Ни закрытых дорог. Ни тревог. Природа обладает поразительным даром игнорировать человеческие драмы.

Таня стояла у окна. Денис подошёл, но остановился на расстоянии. Она почувствовала. Обернулась.

— Что?

— Ничего.

— Опять смотришь.

— А нельзя?

— Можно.

Она сказала это спокойно. Без вызова. И поэтому фраза прозвучала почти интимно. Денис снова отметил линии её фигуры, движение дыхания, мягкий утренний свет на лице. Но теперь в этом не было ни подростковой поспешности, ни взрослой осторожности.

Только простое удовольствие смотреть на человека, который тебе нравится. Таня протянула ему чашку.

— Держи.

Их пальцы соприкоснулись. Мгновение. Самое обычное. Но Денис почувствовал его до плеча. Она тоже.

— Горячо, — сказала Таня.

— Кофе?

— Конечно, кофе.

И ушла к столу.

Денис остался у окна и улыбался.

Катя заметила.

— Что?

— Ничего.

— Катя.

— Я молчу.

Маргарита подняла чашку.

— За взрослость.

— Нет, — сказала Таня.

— Почему?

— За то, что она иногда проходит.

И все засмеялись. А за окном начинался новый день. Тот самый 2026 год со всеми его тревогами, дефицитами, новостями и неизвестностью никуда не исчез. Но теперь они встречали его вчетвером.

И это меняло всё.

К обеду новости всё-таки пришли. Не через телефоны — их так и не включили. Через соседку.

Она появилась у калитки с авоськой, огурцами и выражением лица человека, который обязан немедленно сообщить миру обо всём.

— Вы слышали?

— Что? — спросила Маргарита.

— На трассе опять пробка. Бензина мало. И ещё ночью что-то сбивали. Говорят, обломки упали возле поля.

— Вот тебе и доброе утро.

Соседка продолжила:

— А у Петровых сыну повестка пришла. А у Сёмкиных машину на прошлой неделе разбило осколками. И магазин сегодня до трёх работает, потому что привоза не будет.

— Спасибо, тёть Нин.

— Вы-то надолго?

— Пока не знаем.

— Сейчас никто ничего не знает.

Когда соседка ушла, они ещё несколько минут стояли во дворе.

— Кстати, — сказала Маргарита. — Мы сами-то надолго?

Вопрос прозвучал буднично, и все посмотрели друг на друга.

Денис ответил первым:

— Неделю точно.

— Очень смело, — сказала Таня.

— А ты?

— Пока не пойму, куда имеет смысл возвращаться.

Катя села на ступеньку.

— Я вообще не хочу сейчас назначать дату.

— У меня работа, — сказала Маргарита. — И вещи. И… жизнь там.

— Значит, когда?

Она раздражённо пожала плечами.

— Не знаю.

Таня посмотрела на Дениса.

— Кажется, у нас новая национальная идея.

— «Не знаю»?

— Именно.

На кухне висел старый календарь, оставшийся ещё от бабы Маши. Маргарита зачем-то нашла ручку и обвела сегодняшнее число.

— Что делаешь? — спросила Катя.

— Фиксирую начало.

— Начало чего?

Маргарита хотела ответить, но остановилась.

— Посмотрим.

Ответ Маргариты повис между ними. В этом «посмотрим» было что-то очень точное: сейчас никто ничего не знал. Раньше будущее казалось бесконечным. Теперь оно существовало максимум на несколько недель вперёд.

Иногда на несколько дней. Иногда до следующего уведомления.

— Сходим в магазин? — предложила Катя.

— Зачем?

— Посмотрим, как выглядит конец цивилизации.

— Ты неисправима.

— Зато последовательна.

До магазина шли пешком, хотя идти было не близко. Бензин экономили. На обочинах стояли машины. Некоторые давно. У одной был открыт капот. Мужчина переливал топливо из канистры. На перекрёстке висело объявление: «АИ-95 нет».

Кто-то маркером дописал снизу: «Зато есть надежда». Маргарита сфотографировала.

— Это надо сохранить.

— Зачем?

— Чтобы потом никто не говорил, что такого не было.

— Ты думаешь, потом кто-то будет спорить?

— Всегда спорят.

— Особенно с прошлым, — сказала Таня.

Магазин оказался полупустым. Не катастрофически. Некоторые полки уже выглядели так, будто из них понемногу вынули нормальную жизнь. Молочные полки заметно опустели. Почти закончилась вода. Кофе подорожал. Батарейки продавались по одной упаковке в руки.

Катя взяла шоколадку.

— На случай конца света.

— Практично, — сказала Таня.

Денис купил хлеб, сыр, банку тушёнки и четыре бутылки воды.

— Готовишься к осаде?

— Нет.

— А похоже.

— Не люблю быть зависимым.

— Вот это уже узнаваемо.

Обратно они пошли через поле. Трава стояла высокая, местами по пояс. Ветер гнал по ней длинные волны. На горизонте висели тяжёлые белые облака.

— Красиво, — сказала Катя.

— Нереально красиво, — ответила Таня.

— Почему нереально?

— Когда вокруг всё нестабильно, особенно остро замечаешь то, что стабильно.

— Траву?

— Например.

Они остановились на краю поля. Денис вспомнил, как они когда-то бегали здесь детьми. Казалось, будто нужно только посмотреть чуть внимательнее — и можно увидеть их прежних. Маленькие фигуры. Шум. Смех.

Пыль. Крики. Потом видение исчезло. Остались четверо взрослых людей. И мир, который не обещал им ничего.

— Я вот думаю, — сказал Денис.

Таня сразу усмехнулась.

— Началось.

— Не перебивай.

— Молчу.

— Мы слишком долго жили так, будто всё обязано продолжаться.

— Что?

— Всё.

Он махнул рукой.

— Свет. Бензин. Магазины. Поезда. Связь. Деньги. Работа. Что завтра будет примерно похоже на сегодня.

— А теперь?

— А теперь я впервые понимаю, насколько это всё хрупкое.

— Я давно это понимаю.

Катя спросила:

— И что с этим делать?

Денис задумался.

— Не знаю.

— Вот это мне нравится.

— Что?

— Ты наконец иногда говоришь «не знаю».

— Старею.

— Нет. Умнеешь.

— Поздновато.

— Главное — успел.

Днём стало жарко. Слишком жарко для сентября. Они вернулись к дому, бросили продукты на кухне и почти одновременно решили идти к реке. На этот раз без разговоров. Собрали полотенца и пошли.

Днём река была совсем другой. Светлая. Густо-зелёная. Солнечные блики дрожали на воде, как рассыпанные монеты. На берегу никого.

— Идеально, — сказала Катя.

— Для чего?

— Для нарушения общественной морали.

Маргарита засмеялась.

— Ты вчера недополучила впечатлений?

— Я человек последовательный.

Таня уже сняла обувь.

— Я за.

Денис посмотрел на неё.

— За что именно?

Она повернула голову.

— За воду.

— А.

— Разочарован?

— Наоборот.

— Врёшь.

— Немного.

Они засмеялись.

Таня пошла к воде.

И Денис опять заметил её.

Не одну деталь. Всю. Походку. Плечи. Движение бедра. Как она чуть поворачивается, когда снимает футболку. Как ткань на секунду задерживается на руках. Как солнечный свет ложится на кожу. Он отвёл взгляд не из смущения.

Потому что понимал: если смотреть слишком долго, момент перестаёт быть моментом и превращается в заявление. А ему не хотелось ничего заявлять. Катя тем временем уже вошла по колено в воду.

— Холодная!

— Вчера была холоднее, — сказала Маргарита.

— Ты успела за ночь провести сравнительный анализ?

— Разумеется.

Таня вошла вслед за ними.

Потом обернулась.

— Дэн.

— Что?

— Ты там собираешься медитировать или пойдёшь плавать?

— Думаю.

— Опять?

— Уже иду.

Он вошёл в воду. Она обожгла холодом. И через секунду всё снова стало очень простым. Тело. Вода. Солнце. Дыхание. Смех.

Денис отплыл дальше.

Таня догнала его.

— Ты сегодня какой-то тихий.

— Устал.

— Нет.

— А какой?

— Смотришь.

— На что?

— На всё.

Он усмехнулся.

— Это запрещено?

— Нет.

— Тогда в чём проблема?

— Проблемы нет.

Она подплыла ближе.

— Интересно.

— Что?

— Что ты видишь.

Он посмотрел ей в глаза.

— Тебя.

— Очень информативно.

— Взрослую тебя.

— А раньше?

— Раньше я видел девочку.

Она слегка улыбнулась.

— Очевидно.

— Не совсем.

— Объясни.

Денис помолчал.

— Раньше мне казалось, что человек — это то, что прямо сейчас перед тобой. А теперь я смотрю на тебя и вижу сразу несколько времён.

— Какие?

— Ту, которая была.

Он сделал паузу.

— Ту, которая есть.

Ещё пауза.

— И ту, которой ты могла стать, но не стала.

Таня долго смотрела на него.

— Красиво сказал.

— Я не специально.

— Это заметно.

— Почему?

— Когда ты стараешься быть красивым, получается хуже.

Он рассмеялся.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Она подплыла ближе. Вода между ними почти исчезла. Не было никакого движения вперёд. Расстояние между ними изменилось. Денис почувствовал это сразу. И снова всё тело отреагировало быстрее мыслей.

Реакция была не грубой и не резкой — скорее тонкой, почти электрической. Как будто внутри натянули струну. Таня тоже почувствовала перемену. Это было видно по дыханию. По взгляду. По тому, как она внезапно перестала улыбаться.

— Вот теперь ты опять слишком много думаешь, — сказала она.

— А ты?

— Я меньше.

— Завидую.

— Не надо.

— Почему?

— Иногда думать полезно.

— Иногда?

— Иногда.

Она улыбнулась.

И вдруг плеснула ему водой в лицо.

Денис не ожидал.

Захлебнулся.

— Ты ненормальная.

— Зато ты перестал думать.

И поплыла к берегу.

Они лежали на траве. Солнце согревало кожу. Денис смотрел в небо. Слышал дыхание рядом. Запах воды. Травы. Солнца. Таня лежала в нескольких шагах. Время от времени поворачивалась.

И каждый раз он видел движение её тела боковым зрением. Ничего не происходило. И именно поэтому всё происходящее ощущалось особенно реальным.

В подростковом возрасте ему казалось, что близость — это всегда поступок.

Теперь он ясно понимал: иногда близость — это отсутствие необходимости что-то делать. Лежать рядом. Знать. Чувствовать. Не торопить. Катя сказала:

— А давайте здесь останемся до вечера.

— И есть что будем? — спросила Маргарита.

— Шоколадку.

— Гениально.

— Я же говорила, стратегический запас.

Таня повернулась на бок.

— Я за.

— Ты сегодня со всем соглашаешься.

— Нет.

— А с чем не согласна?

— Например, что нам надо возвращаться к нормальной жизни.

— А что такое нормальная?

Она задумалась.

— Понятия не имею.

И снова все рассмеялись.

Около четырёх часов со стороны трассы донёсся глухой взрыв.

Птицы сорвались с деревьев.

Маргарита сразу села.

— Близко.

Денис поднялся. Через минуту вдали появился чёрный дым. Таня смотрела туда молча. Никто больше не смеялся. Катя тихо сказала:

— Вот так.

— Что? — спросил Денис.

— Так и живём.

Река продолжала течь. Солнце продолжало светить. На другом берегу ветер шевелил камыш. И в этой обыденности было что-то невыносимое. Красота и опасность. Жизнь и страх. Тело и сознание. Настоящее и прошлое.

Всё вместе. Денис посмотрел на Таню. Она стояла рядом. Очень близко. Она без слов взяла его за руку — не сжала, лишь удержала ладонь в своей. Он посмотрел на их руки.

Потом на неё.

— Что?

— Ничего.

Она продолжала смотреть на дым.

— Захотелось.

Этого было достаточно.

Ладонь в ладони, пока над горизонтом расползался дым.

Они ещё долго стояли у реки, не отрывая взгляда от горизонта.

Сначала дым был плотным, вертикальным, как чёрный столб, потом ветер потянул его к востоку, и он превратился в длинную грязно-серую полосу.

Маргарита выдохнула воздух, который, кажется, всё это время держала в лёгких.

— Надо возвращаться.

Никто не спорил. Таня всё ещё держала Дениса за руку. И только когда они уже пошли по тропе, отпустила. Пальцы разомкнулись. Денис почувствовал это сильнее, чем само прикосновение.

На секунду возникло что-то очень живое и настоящее, а потом стало воздухом.

До деревни дошли быстро. Телефоны включили ещё по дороге. Связь появилась сразу. Сообщения посыпались одно за другим.

ИЗ СЕЛЬСКОГО ЧАТА

«Говорят, удар был по складу».

«Нет, по подстанции».

«На трассу пока не выезжайте».

«На заправке закончился бензин».

«Видео старое, не разгоняйте панику».

Тревога, предупреждения, видео, фотографии, голосовые.

Денис выключил экран.

— Через десять минут будет десять версий этого события.

— Уже есть, — сказала Маргарита.

— Сколько?

— Семь.

— Отстаёшь.

Таня шла рядом.

— Я иногда думаю, что главное оружие нашего времени — не ракеты.

— А что?

— Шум.

— Информационный?

— Любой.

Она махнула рукой в сторону телефонов.

— Когда вокруг слишком много сигналов, человек перестаёт понимать, что реально важно.

Катя усмехнулась.

— А потом приходит соседка и всё объясняет.

— Самая надёжная разведка.

— Сеть человеческой агентуры.

— С авоськами.

Они рассмеялись.

От этого смеха тревога немного отступила.

Не исчезла. Перестала занимать всё пространство.

У деревенской заправки стояла очередь. Машин двадцать. Может, больше. Люди вышли из салонов, разговаривали, курили, кто-то ругался. На колонке висел лист бумаги:

АИ-92 — по 15 литров.

— Вот это уже интереснее, — сказал Денис.

— Что?

— Вчера было двадцать.

— Стабильность, — сказала Таня.

— Отрицательный рост.

Мужчина у крайней машины услышал их.

— Через час вообще закроют.

— Почему? — спросила Катя.

— Топливо заканчивается.

— Откуда знаете?

Он пожал плечами.

— Говорят.

Маргарита тихо сказала:

— Вот главный источник информации в стране.

— Кто?

— «Говорят».

Денис усмехнулся.

— Самая устойчивая институция.

Они прошли дальше.

Таня повернулась к нему.

— А ты бы сейчас что делал?

— В каком смысле?

— Если бы это стало надолго.

— Бензин?

— Всё.

Денис задумался.

— Минимизировал зависимости.

— Конкретно?

— Топливо. Электричество. Вода. Связь.

— Ты уже это всё продумывал?

— Конечно.

Она остановилась.

— Дэн.

— Что?

— Ты нормальный человек вообще?

— Вопрос спорный.

— Люди думают, что приготовить на ужин, а ты строишь автономную цивилизацию.

— Поэтому у меня будет ужин, когда у остальных не будет.

Таня посмотрела на него и улыбнулась.

Не насмешливо.

Почти тепло.

— Вот за это я тебя и помню.

— За паранойю?

— За то, что ты никогда не соглашался быть беспомощным.

Эта фраза зацепила.

Он ничего не ответил.

К дому подошли ближе к вечеру. Двор был залит косым светом. Яблоня отбрасывала длинную тень. На крыльце стояло ведро с водой. Обычная картина. Настолько обычная, что Денис почувствовал почти физическое облегчение.

— Я есть хочу, — сказала Катя.

— Наконец-то здравая мысль, — ответила Маргарита.

— Я весь день их произношу.

— Ты весь день ела шоколад.

— Это тоже мысль.

На кухне устроили поздний обед. Хлеб, сыр, помидоры, огурцы, тушёнка. Что-то нашли в холодильнике. Таня нарезала хлеб. Маргарита спорила с Катей о том, можно ли считать тушёнку полноценной едой. Денис сидел у окна и наблюдал.

И поймал себя на необычном ощущении. Ему сейчас нравилась не Таня отдельно. Не Маргарита. Не Катя. Ему нравилась сама сцена. Люди на кухне. Шум ножа по доске. Запах еды. Солнечный свет.

Женские голоса. Та самая простая наполненность жизни, которую невозможно получить из новостей, экранов, аналитики и больших идей. Таня поставила перед ним тарелку.

— Ты опять завис.

— Наблюдаю.

— За чем?

— За вами.

Она прищурилась.

— Опасное занятие.

— Почему?

— Можно привыкнуть.

— А если уже?

Она ничего не ответила.

Только поставила рядом вилку.

После еды все разошлись по дому.

Маргарита, однако, спать не легла. Через десять минут она снова появилась на кухне с тетрадью.

— Так. У нас сколько воды?

Катя, уже дошедшая до двери, остановилась.

— Началось.

— Что началось?

— Марго строит государство.

— Я пытаюсь понять, сколько нас хватит, если отключат насос.

Денис вернулся от окна.

— В колодце вода есть.

— А если электричества не будет?

— Достанем вручную.

— Чем?

Он открыл рот и закрыл.

Маргарита торжествующе подняла ручку.

— Вот.

Через полчаса на столе лежал список: вода, свечи, батарейки, лекарства, дрова, бензин, продукты, связь. Денис сначала посмеивался, потом забрал ручку и дописал «ручной ворот для колодца» и «огнетушитель».

Таня смотрела на них поверх кружки.

— Два психа нашли друг друга.

— Зато вы будете пить, когда наступит конец света, — сказал Денис.

— Я хочу жить с людьми, которые иногда умеют просто есть суп.

Маргарита не улыбнулась.

— Таня, я серьёзно.

— Я тоже.

В комнате стало чуть тише.

— Если мы начнём превращать каждый день в подготовку к худшему, — сказала Таня, — худшее уже победило.

Денис положил ручку.

— А если не подготовимся и оно случится?

— Тогда будем решать.

— Это плохой план.

— Зато это жизнь, Дэн.

Катя смотрела то на одного, то на другую. Маргарита медленно закрыла тетрадь.

— Ладно. Один час в день на катастрофу.

— Что?

— Планируем, проверяем, читаем новости. Один час. Потом живём.

Таня подумала.

— Это уже похоже на договор.

— Ничего мы не договаривались, — сказал Денис.

Таня посмотрела на него.

— Учишься быстро.

Глава 5

Маргарита легла спать, Катя ушла во двор кому-то звонить, а Денис поднялся на чердак.

За день крыша нагрелась. Он открыл окно шире. Снаружи пахло сухой листвой и далёким, почти незаметным дымом.

Денис сел на старую тахту. Через несколько минут на лестнице послышались шаги. Таня.

Она поднялась и остановилась на верхней ступеньке.

— Я так и знала.

— Что?

— Что ты будешь здесь.

— Почему?

— Ты всегда выбираешь место повыше.

— Стратегически выгодное.

— Вот именно.

Она вошла.

Села рядом.

Не слишком близко.

Не слишком далеко.

— У тебя правда всё хорошо? — спросила она.

— В каком смысле?

— В обычном.

— У меня давно нет обычного смысла.

— Не увиливай.

— Я не увиливаю.

— У тебя есть кто-нибудь?

— Сейчас?

— Да.

— Нет.

— Почему?

— Так получилось.

— Это не ответ.

— А ты?

— Тоже нет.

Теперь они оба молчали.

— Вот видишь, — сказал Денис. — Можно не отвечать.

— Я ответила.

— Ты сказала факт.

— А ты даже факт не сказал нормально.

Он усмехнулся.

— Хорошо. Нет. Никого нет.

— Давно?

— Достаточно.

— И тебя это устраивает?

— Обычно да.

— А сейчас?

Таня не отвела взгляд.

— Сейчас вопрос поставлен некорректно.

— Господи, ты способен говорить как человек?

— Иногда.
— Попробуй.
Он вздохнул.
— Сейчас мне хорошо.
Таня перестала смеяться.
— Вот.
— Что?
— Нормальный ответ.

Она откинулась назад, опёрлась руками о тахту. Вечерний свет входил через окно сбоку и ложился на её лицо, шею, руки. Денис снова видел не отдельные детали. Всю её. Взрослую. Спокойную.

Уверенную. Живую. Он понимал, что его взгляд задерживается дольше, чем следует. И понимал, что Таня это прекрасно знает. Она не меняла позы. Не закрывалась. Не делала вид, будто ничего не происходит.

— Ты всегда так смотришь? — спросила она.
— Как?
— Будто пытаешься запомнить.
Денис задумался.
— Возможно.
— Зачем?
— Потому что всё исчезает.
Она резко повернула голову.
— Вот это уже хуже.
— Почему?
— Ты заранее превращаешь настоящее в воспоминание.
Таня продолжила:
— Не надо сейчас меня запоминать.
— А что делать?
— Смотреть.
— Разница?
— Огромная.
Она чуть подалась ближе.
— Когда запоминаешь — уже прощаешься.
Пауза.
— А когда смотришь — остаёшься.
Денис почувствовал, как внутри что-то сдвинулось.
Очень тихо.
— Хорошо, — сказал он.
— Что хорошо?
— Буду смотреть.
— Вот и смотри.
И улыбнулась.
Внизу хлопнула дверь.
Катя крикнула:
— Вы там живы?
Таня не отводила глаз от Дениса.
— Пока да.
— Через десять минут чай!
— Хорошо!

Звук шагов удалился.
На чердаке снова стало тихо.
— Десять минут, — сказал Денис.
— Много.
— Для чего?
— Для разговора.
— А.
— Что «а»?
— Ничего.
— Врёшь.
— Конечно.
Таня придвинулась чуть ближе.
Теперь их плечи почти касались.
— Ты знаешь, что мне в тебе всегда нравилось?
— Нет.
— Ты не боялся хотеть.
Денис замер.
Таня продолжила спокойно:
— Не в смысле брать. Не путай. Хотеть.
— Люди обычно очень рано учатся делать вид, что им ничего не нужно.
— А я?
— А ты всегда был слишком наглый для этого.
Он усмехнулся.
— Это комплимент?
— Сегодня да.
— А завтра?
— Посмотрим.
Денис чуть повернулся к ней.
— А ты?
— Что я?
— Чего хочешь ты?
Таня задумалась.
Долго.
Потом сказала:
— Чтобы этот день не закончился слишком быстро.
Внутренний отклик оказался сильнее, чем Денис ожидал.
Он хотел точно того же.
Когда спустились вниз, Катя сразу посмотрела на них.
— Что?
— Ничего, — сказала она.
— Вот зараза, — пробормотала Таня.
Маргарита уже проснулась и сидела за столом.
— Новости есть?
— Не знаю, — сказал Денис.
— Почему?
Он показал выключенный телефон.
Маргарита рассмеялась.
— Всё. Мы его потеряли.
— Кого?

— Дениса.

— Почему?

— Он добровольно отказывается знать, что происходит в мире.

Таня села рядом.

— Зато теперь понимает, что происходит рядом с ним.

Денис посмотрел на неё. Она спокойно налила чай. Как будто ничего особенного не сказала. Но она сказала. А он услышал.

Вечером пошли гулять по деревне. Мимо пустого клуба. Мимо остановки. Мимо старого поля. Мимо домов, из которых доносились телевизоры. Обсуждали мобилизацию, цены, чей-то отъезд.

Люди смеялись. Запахло жареным мясом. Тревога соседствовала с самой обычной жизнью. У магазина сидели трое мужчин. Один сказал:

— Если ещё неделю так будет, бензина совсем не останется.

Другой ответил:

— Да нет, будет.

Третий молчал. Денис подумал, что третий, вероятно, самый умный. Таня шла рядом. Иногда их руки касались. Случайно. Или не совсем.

Когда стемнело, они оказались у реки. Река стала центральной точкой этих дней. Катя с Маргаритой ушли немного вперёд. Денис и Таня остались позади.

— Ты завтра уезжаешь? — спросила она.

— Не знаю.

— Опять хороший ответ.

— А ты?

— Тоже не знаю.

— Это заразно.

— Возможно.

Они дошли до мостков.

Остановились.

Вода была неподвижной.

На том берегу мерцал фонарь.

Таня опёрлась на перила.

— Дэн.

— Да.

— Только давай без обещаний.

— Каких?

— Любых.

Он понял.

— Хорошо.

— И без разговоров о том, что «надо было раньше».

— Хорошо.

— И без попыток решить, что будет дальше.

— Ты слишком много условий ставишь.

— Я предупреждала, что стала хуже.

Он улыбнулся.

— Тогда что остаётся?

Таня посмотрела на него.

Очень спокойно.

— Сейчас.

Денис молчал. Она тоже. А потом взяла его за руку. На этот раз не потому, что где-то что-то взорвалось. Не потому, что стало страшно. Не потому, что нужен был жест поддержки.

Потому что захотела. И это меняло всё. Они стояли так над тёмной водой. Без обещаний. Без анализа. Без попытки немедленно назвать то, что между ними происходило. Мир вокруг был нестабилен.

Будущее — непрозрачно. Прошлое — неизменяемо. Но настоящее существовало. Тёплая ладонь. Запах реки. Тёмное небо. Дыхание рядом. И чувство, которое не требовало ни доказательств, ни объяснений. Только присутствия. Ночь растянулась над деревней.

Ещё час назад над полем лежал тёплый медовый свет, а теперь всё стало густым, синеватым, почти бесцветным. Только окна отдельных домов светились жёлтым в темноте, как маленькие знаки того, что люди всё ещё здесь.

Денис и Таня возвращались от реки последними. Катя с Маргаритой ушли вперёд. Их голоса то доносились из темноты, то пропадали. Таня и Денис шли молча. Молчание между ними уже не требовало объяснений.

Но оно изменилось. Раньше в нём было ожидание. Теперь — знание. Не договорённость. Не обещание. Не решение. Ясность того, что они оба чувствуют присутствие другого слишком остро, чтобы делать вид, будто ничего не происходит.

У калитки Таня остановилась.

— Ты думал, что мы можем оказаться здесь снова?

— Нет.

— Врёшь.

— Иногда.

— Вот.

— Я тоже.

— Часто?

— Не льсти себе.

— Это ты уже говорила.

— Потому что ты всё ещё нуждаешься в повторении.

Он тихо рассмеялся. Посмотрел на неё внимательнее. Ночной свет почти стирал детали лица, но глаза оставались видны. Таня стала серьёзной.

— Денис.

— Да?

— Ты меня помнишь слишком хорошо.

Он не сразу понял смысл.

— Это плохо?

— Иногда.

— Почему?

— Память очень хитрая вещь.

Она открыла калитку, но не пошла дальше.

— Она может сделать человека красивее, умнее, желаннее, чем он был.

— Я знаю.

— Нет. Ты знаешь теоретически.

Она смотрела ему прямо в глаза.

— А я хочу, чтобы ты видел меня сейчас.

— Я вижу.

— Всю?

— Думаю, да.

— Думаешь.

— Хорошо. Вижу.

Таня ещё секунду молчала.

— Тогда нормально.

И пошла к дому.

На кухне горел свет. Электричество вернулось. Холодильник гудел. Чайник шумел. Телефоны заряжались. Цивилизация, казалось, робко пыталась восстановить своё присутствие. Катя сидела на подоконнике. Маргарита открыла банку варенья.

— Ну что? — спросила Катя.

— Что? — ответила Таня.

— Ничего.

— Кэт.

— Я молчу.

— Вот и молчи.

Маргарита поставила банку на стол.

— Удивительно, что после стольких лет мы снова оказались в той же конфигурации.

— В какой? — спросил Денис.

— Ты делаешь вид, что ничего не происходит. Таня делает вид, что ей всё равно. Катя делает вид, что она просто наблюдает. А я единственная честная.

— Это клевета, — сказала Катя.

— Это анализ.

Денис сел за стол.

— И что говорит анализ?

— Что вы оба смешные.

Таня взяла ложку.

— Сама ты смешная.

Маргарита пожала плечами.

— А я не против.

Поздний ужин растянулся. Ели хлеб, варенье, остатки сыра, яблоки из сада. Разговор метался от смешного к серьёзному. От прошлого — к настоящему. От цен на бензин — к чужим разводам.

От беспилотников — к музыке, которую они слушали детьми. От мобилизации — к тому, где теперь живут их бывшие одноклассники. Мир за окном был тяжёлым. Но здесь, внутри кухни, зарождалась совсем иная жизнь.

Будто они заново собирали своё маленькое пространство из самых простых вещей. Голоса. Смех. Еда. Тепло. Взгляды. Паузы. И вдруг Катя сказала:

— А я вот думаю, почему мы тогда так легко были близкими.

Маргарита посмотрела на неё.

— Потому что были детьми.

— Нет.

— А почему?

Катя задумалась.

— У нас ещё не было биографий.

— В смысле? — спросил Денис.

— Не было груза.

Она повела рукой.

— Никто не был бывшим мужем, бывшей женой, человеком с ипотекой, человеком с потерями, человеком с карьерой, человеком, который что-то кому-то должен.

Таня кивнула.

— Просто были мы.

— Да.

Катя посмотрела на них.

— А сейчас мы снова пытаемся дотянуться друг до друга через всё, что накопилось.

Денис кивнул. Не вернуть прошлое. А снять с человека слои, которыми его покрыла жизнь. Рассмотреть того настоящего, кто прячется там внутри.

После полуночи Маргарита ушла спать первой.

Катя ещё немного посидела, потом тоже поднялась.

— Я наверх.

— Чердак занят, — сказала Таня.

— Похоже.

— Наконец-то нам оставили первый этаж.

— Заговор.

— Однозначно.

Они остались на кухне. Свет выключили. Оставили только маленькую лампу над плитой. Помещение стало уютным, камерным. Таня сидела напротив. В мягком боковом свете её лицо выглядело иначе. Спокойнее. Мягче.

И Денис снова заметил, насколько сильно изменилось его восприятие. Раньше женская красота была для него вспышкой. Сейчас — пространством. Она раскрывалась не сразу. В голосе. В жестах. В паузах. В том, как Таня держала кружку.

Как прикусывала губу, когда думала. Как опускала взгляд, но не из смущения. Скорее чтобы дать себе секунду перед ответом.

— Что? — спросила она.

— Опять заметила?

— Конечно.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Интересно, скажешь ли ты сам.

Денис улыбнулся.

— Ты красивая.

Таня не отвела взгляд.

— Сейчас или вообще?

— Сейчас.

— Хороший ответ.

— Почему?

— «Вообще» звучало бы как комплимент.

— А сейчас?

— Наблюдение.

Он чуть наклонился вперёд.

— А если и то и другое?

— Тогда оставим.

Где-то далеко снова послышался гул. Не взрыв. Тяжёлый низкий звук. Они оба прислушались. Одновременно решили не проверять телефоны. Таня сказала:

— Знаешь, что мне во всём этом не нравится больше всего?

— В войне?

— Не только.

Она посмотрела в окно.

— В том, как быстро человек привыкает жить на фоне угрозы.

— Это адаптация.

— Опять объясняешь.

— Прости.

— Нет, продолжай.

Денис удивился.

— Правда?

— Да.

— Тогда да. Организм не может жить в постоянной тревоге. Он начинает нормализовать ненормальное.

Таня медленно кивнула.

— Вот именно.

— И?

— И я боюсь не страха.

Она повернулась к нему.

— Я боюсь привыкнуть.

— К чему?

— Ко всему.

— К плохому?

— Да.

Пауза.

— И к хорошему тоже.

— Это уже интереснее.

— Вот представь. Ты приезжаешь. Мы снова вместе. Река, дом, чердак.

— И ты начинаешь думать, что теперь так будет всегда.

— Я не думаю.

— Врёшь.

— Немного.

— Вот.

Она протянула руку через стол.

Положила ладонь поверх его руки.

— Я не хочу превращать это в привычку.

— А во что?

— В событие.

Денис перевернул ладонь и легко сжал её пальцы.

— Событие может повторяться.

— Может.

— Тогда договорились.

— Мы ни о чём не договаривались.

— Прекрасно.

Они вышли во двор.

Ночь стала прохладнее.

Трава блестела.

Шелестело дерево.

Таня подняла голову.

— Видишь?

— Что?

— Звёзды.

— Вижу.

— В городе их почти нет.

— Там свет.

— Знаю.

— В детстве мне казалось, что, если смотреть достаточно долго, можно понять всё.

— Получилось?

— Нет.
— Странно.
— А тебе?
— Мне кажется, я стал понимать меньше.
— Вот это, возможно, и есть признак ума.
— Не начинай льстить.
— Даже не собиралась.

Они дошли до яблони. Под ней почти лежала вросшая в землю старая скамейка. Сели. Таня вытянула ноги. Денис посмотрел на неё. В этот момент она была почти неподвижна. Только дыхание.

Тонкое движение плеч. Едва заметный ветер в волосах. Ему нравилось видеть её рядом. Но вместе с этим было и другое. Совсем телесное. Тёплое. Простое. Он не пытался от него избавиться.

Не анализировал. Не превращал в символ. Оставлял это чувство без объяснений. Таня, кажется, чувствовала то же самое. Через какое-то время придвинулась ближе. Их плечи соприкоснулись. Она опустила голову ему на плечо.

Как прошлой ночью. Но сегодня жест был другим. Вчера — осторожный. Сегодня — уже привычный. Денис это почувствовал. И спросил:

— Ты же говорила, что не хочешь привыкать.
— Не хочу.
— Тогда что это?
— Исключение.
— Второй раз подряд?
— Не придирайся.

Он рассмеялся.

Долго молчали.

Таня сказала:

— А если бы мы встретились не сейчас?
— Когда?
— Пять лет назад.

Денис задумался.

— Было бы хуже.
— Почему?
— Я был другим.
— Каким?
— Более занятым собой.
— Сейчас ты тоже занят собой.
— Да, но теперь это хотя бы осознанно.

Она тихо фыркнула.

— Прогресс.
— Огромный.
— А я?
— Что ты?
— Пять лет назад.
— Я не знаю.
— Придумай.
— Не хочу.
— Почему?
— Ты настоящая интереснее моих версий.

Таня подняла голову.
Посмотрела на него долго.
— Иногда ты всё-таки говоришь красиво.
— Запиши дату.
— Уже.

Глава 6

Утром их разбудил шум машины.
Кто-то сигналил у ворот.
Маргарита выглянула в окно.
— Это кто?
Катя спустилась следом.
— Может, бензин привезли.
— Домой?
— В наше время я ничему не удивлюсь.
Денис вышел во двор.
У калитки стоял старый внедорожник.
Из него вышел мужчина лет шестидесяти.
— Дэн?
— Да.
— Тебе привет от Сашки.
— Какого Сашки?
— Который с базы.
Денис вспомнил.
— Что случилось?
Мужчина открыл багажник.
Там стояли две металлические канистры.
— Бензин.
Денис рассмеялся.
— Это уже контрабанда?
— Сейчас это валюта.
— Сколько?
— Сорок литров.
— Цена?
Мужчина назвал сумму.
Денис присвистнул.
— Охренели.
— А ты думал.
Таня вышла на крыльцо.
— Покупай.
Денис обернулся.
— Почему?
— Через два дня будешь жалеть, что не купил.
— Экономист?
— Женская интуиция.
— Самый надёжный источник после «говорят».
Мужчина засмеялся.
— Правильная у тебя женщина.

На секунду стало тихо. Таня подняла бровь. Денис посмотрел на неё. Она ничего не поправила. Не сказала «я не его женщина». Только спокойно ответила:

— Иногда.

Мужчина, разумеется, ничего не заметил.

А Денис заметил.

Ещё как заметил.

После завтрака Катя предложила съездить в районный центр.

— Зачем?

— Просто посмотреть.

— Там сейчас половина магазинов закрыта.

— Именно.

Маргарита покачала головой.

— Туризм катастроф.

— Социологическое исследование.

— На чём поедем?

Он вздохнул.

— Уже понял.

— Вот для чего бензин.

— А я думал, для эвакуации.

— Это может быть одним и тем же.

Через двадцать минут они уже ехали. Старая дорога. Пыль. Поля. Редкие машины. На въезде в город — очередь к заправке километра на полтора. Денис медленно проехал мимо. Люди стояли возле машин.

Люди сидели на капотах, спали, ругались по телефону.

— Жесть, — сказала Катя.

Маргарита смотрела в окно.

— Я всё ещё не понимаю, насколько это временно.

— Никто не понимает, — ответил Денис.

Таня сидела рядом с ним.

— А ты что думаешь?

— Что люди всегда ожидают возвращения нормы.

— А она возвращается?

— Иногда.

— А иногда?

Денис посмотрел на дорогу.

— Приходится придумывать новую.

Город изменился сильнее деревни. Закрытые витрины. Объявления о продаже и аренде. Пустующие помещения. На одних зданиях новые вывески поверх старых. На других — ничего. На одном здании огромный баннер обещал:

ВСЁ БУДЕТ ХОРОШО.

Под ним стояла закрытая кофейня.

Катя сфотографировала.

— Символ эпохи.

— Не смешно.

— Я и не смеюсь.

Они остановились возле рынка. Людей было много, но рынок всё равно казался ненормальным. Каждый будто прикидывал про себя: хватит ли денег? Стоит ли покупать? Нужно ли? А что будет завтра?

На одном из прилавков мужчина продавал солнечные панели.

У соседнего ряда спорили мужчина и женщина. Рядом на складном стуле сидел мальчик в слишком большой куртке и держал на коленях картонную коробку с надписью «КУХНЯ».

— Нужно две канистры, — повторял мужчина продавцу. — Любые. Хоть ржавые.

— Нет больше.

Женщина заметила, что Денис смотрит на их коробки.

— Переезжаем, — сказала она, не дожидаясь вопроса. — Из города.

— Куда?

— В деревню за вашим районом. Там дом бабушки пустой.

Мальчик поднял голову.

— Там туалет на улице.

— Матвей! — сказала женщина.

— Это важная информация.

Женщину звали Лена, мужчину — Игорь. Они собирались уехать утром, но ночью возле их дома выбило стёкла, и они решили не ждать. В машине уже лежали матрасы, кастрюли, тёплая одежда, инструменты и клетка с котом.

— Самое идиотское, — сказал Игорь, — у меня квартира забита вещами. Телевизор огромный, кофемашина, мебель новая. А я третий час ищу канистры и печную трубу.

Денис посмотрел на солнечные панели, которые минуту назад собирался покупать.

— У нас есть одна лишняя канистра.

Таня повернулась к нему.

— Есть?

— Была.

Он дал Игорю номер телефона.

— Если к вечеру не найдёте — заезжайте. Отдам.

Когда они отошли, Маргарита сказала:

— Ты только что добровольно отдал стратегический резерв.

— Пока только пообещал.

Катя задержала взгляд на Денисе.

— Всё равно неожиданно.

— Что?

— Ничего.

Тогда она впервые подумала, что Денис странным образом умеет одновременно готовиться к худшему и оставлять место для совсем чужого человека. Мысль была короткой. Она даже не запомнила её.

Рядом с панелями — аккумуляторы. Разный садовый инвентарь.

Всё то, что раньше было товаром для дачи, теперь выглядело элементами автономии.

Денис остановился.

Таня заметила.

— Только не говори, что хочешь купить всё.

— Не всё.

— Уже страшно.

— Панели нормальные.

— Дениска.

— Что?

— Мы приехали гулять.

— Это и есть прогулка.

— У тебя очень странные прогулки.

— Зато полезные.

Когда возвращались, начался дождь. Поначалу редкий, он быстро перешёл в ливень. Стекло заливало водой. Дорога исчезала за сплошной белой стеной. Денис сбросил скорость. Катя с Маргаритой на заднем сиденье затихли.

Таня смотрела вперёд. Потом положила ладонь ему на колено. Для устойчивости на повороте. Или не только. Денис ничего не сказал. Она тоже. Ладонь оставалась там несколько секунд. Потом убрала.

Эти несколько секунд стали самым ощутимым моментом всей поездки: жест оказался не случайным. Он это понял.

Она — тоже. И этого было достаточно.

К дому вернулись под вечер. Дождь закончился. Воздух стал холоднее. Над землёй поднимался лёгкий туман. Река внизу шумела громче обычного. Таня задержалась у калитки.

— Сегодня никуда больше не идём.

— Командуешь?

— Да.

— Почему?

— Потому что я хочу вечер дома.

— Это звучит подозрительно.

Она посмотрела на него.

— И правильно.

И пошла внутрь. Денис остался стоять под мокрой яблоней. Потом улыбнулся сам себе. Не потому, что знал, что будет дальше. И впервые за долгое время ему это нравилось.

Глава 7

Осень пришла не сразу.

Сначала исчезло ощущение лета.

Утром трава стала холоднее. Вода в реке начала кусаться. Вечерами пришлось закрывать окна. Таня вышла на крыльцо в старой кофте и сказала:

— Всё. Кончилось.

— Что? — спросил Денис.

— Лето.

Яблоки ещё висели на ветках. Земля пахла сухой листвой. Над огородами поднимался дым — соседи жгли ботву.

— Не вижу трагедии.

— Конечно. Ты всегда считал осень временем подготовки к зимней кампании.

— Это разумно.

— Вот именно.

Она села рядом. Через несколько минут к ним вышли Маргарита и Катя. Никто не собирался уезжать. Первоначально говорили: на неделю. Позже — до конца месяца. Потом вообще перестали обсуждать сроки.

Как будто деревня удерживала их. Отсутствием давления. Здесь не надо было всё время принимать решения.

А мир вокруг продолжал ускоряться.

Сначала закрыли воздушное пространство над несколькими регионами.

ТРАНСПОРТ: ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА

Воздушное пространство над рядом регионов временно закрыто.

Рейсы отменяются и перенаправляются. Часть крупных аэропортов приостановила работу.

Сроки восстановления регулярного сообщения не определены.

Ограничение продлили на сутки. Затем ещё раз. Рейсы отменялись один за другим. Самолёты разворачивались в воздухе. Люди сидели в аэропортах по двенадцать, двадцать, тридцать часов. На экранах горели карты с красными зонами.

В интернете бесконечно мусолили одни и те же ролики. Один самолёт горел на полосе. Другой стоял с повреждённым крылом. Где-то вдалеке ночью видели вспышки. Появились сообщения о закрытии нескольких крупных аэропортов.

— Это надолго, — сказала Маргарита.

Они сидели на кухне. На столе лежали яблоки, мёд и кусок свежего хлеба. На экране ноутбука двигалась карта. Красные кружки. Жёлтые предупреждения. Серые зоны.

— Ты откуда знаешь? — спросил Денис.

— Не знаю. Просто чувствую.

Таня усмехнулась.

— Самый надёжный аналитический метод.

— Лучше, чем официальные прогнозы.

Катя смотрела новости молча.

Потом закрыла ноутбук.

— Всё.

— Что?

— Я больше сегодня не хочу ничего знать.

Никто не возразил. Маргарита тоже убрала телефон. Денис посмотрел в окно. За ним падали листья. Медленно. Совершенно безразлично к закрытому воздушному пространству.

Через неделю начали исчезать продукты. Не всё сразу. Почти незаметно. Сначала масло. Следом — сахар. Затем кофе. Заговорили о перебоях с мукой. Исчез и обычный дешёвый сыр.

На полках появлялось что-то другое. Незнакомое. Дороже. Хуже. Меньше. Люди покупали про запас больше, чем нужно. Из-за этого всё исчезало быстрее. К вечеру продуктовые чаты превращались в сводки разведки.

СЕЛЬСКИЙ ЧАТ: ПРОДУКТЫ И ДЕФИЦИТ

«В Магните на Ленина появилась гречка».

«В Пятёрочке масло — две пачки в руки».

«На рынке есть мука, но цена…»

«Кто едет из города — возьмите дрожжи».

Катя читала вслух.

— Вот это и есть настоящая цифровизация.

Таня чистила картошку.

— Что?

— Интернет наконец-то используется по назначению.

— Для поиска дрожжей?

— Для выживания.

Денис заглянул в погреб. Ряды банок с закатками. Картошка. Морковь. Лук. Яблоки. Несколько мешков крупы, которые он купил ещё в начале осени. Таня подошла сзади.

— Ты всё-таки маньяк.

— Почему?

— Ты реально готовился.

— Я просто люблю, когда еда есть.

— В городе люди сейчас по три часа стоят за сахаром.

— Значит, зря смеялись над деревней.

— Никто не смеялся.

— Смеялись.

— Ну, может быть, немного.

— Теперь деревня внезапно стала элитной недвижимостью.

— Не каркай.

Люди начали уезжать. Сначала те, у кого были деньги. За ними — те, кому было к кому ехать. Вскоре потянулись и те, кто боялся остаться. На дорогах появились машины с нагруженными багажниками на крыше.

Прицепы. Канистры. Детские велосипеды, привязанные сзади. Сумки под потолок. Клетки с кошками. Пожилые родители на задних сиденьях. Тысячи людей двигались к границам. Очереди растягивались на километры. Переходы превращались в многокилометровые пробки.

В очередях стояли сутки. Иногда двое. Одни разворачивались. Другие бросали машины и шли пешком. На заправках ругались из-за топлива. В гостиницах не было мест. Цены на билеты стали бессмысленно запредельными. Денис смотрел видео и долго молчал.

— Ты бы поехал? — спросила Таня.

— Куда?

— Не знаю. За границу.

— Зачем?

— Если бы стало совсем плохо.

Он подумал.

— А что значит «совсем»?

— Вот и я не знаю.

Она прислонилась к подоконнику.

— Наверное, человек всегда думает, что есть последняя точка, после которой он точно всё бросит и уедет.

— А на деле?

— На деле эта точка всё время отодвигается.

— Потому что дом — это очень сильный якорь.

— Не дом.

— А что?

— Своя жизнь.

Потом границы начали закрываться. Не все сразу. Сначала ограничения. Дополнительные проверки. Очереди. Запреты для отдельных категорий. Один переход закрыли полностью. Затем — другой. Стало непонятно, кто и как может выехать.

Чаты заполнились вопросами:

ПОГРАНИЧНЫЙ ЧАТ: ЧТО ИЗВЕСТНО СЕЙЧАС

«Пропускают ли мужчин?»

«Как сейчас через Казахстан?»

«Кто реально проехал вчера?»

«На границе разворачивают?»

«Нужна ли справка?»

«Что делать с машиной?»

Каждый день правила звучали по-разному. Или казалось, что по-разному. Никто уже не понимал, где официальная информация, а где слух.

— Вот это самое страшное, — сказала Маргарита.

— Закрытые границы? — спросила Катя.

— Нет.

— А что?

— Неопределённость.

Она положила телефон на стол.

— Когда ты не знаешь даже правила игры.

— Тогда надо перестать играть.

— Красиво.

— Практично.

— И что ты предлагаешь?

Он пожал плечами.

— Жить там, где мы есть.

Таня улыбнулась.

— Наконец-то.

Глава 8

К середине октября стало холодно. Ночью первый раз ударил мороз. К утру ведро во дворе покрылось тонким льдом. Катя вышла босиком на крыльцо, сразу вскрикнула и отступила.

— Всё. Я больше не деревенская.

— Ты никогда и не была, — сказала Маргарита.

— Предательница.

В доме затопили печь. Огонь преобразил пространство. Сразу. Кухня стала центром мира. На плите сушились вещи. Чайнику не давали остыть. На подоконнике горой лежали яблоки. На стене сохли травы. За окном моросил мелкий дождь.

Телефоны всё чаще показывали плохие новости. Но теперь они лежали на столе как чуждые этому мирку предметы. Важные. Но не главные.

Первый серьёзный удар по энергетике произошёл ночью. Сначала погас свет. Обычное дело. Они даже не встали. Следом пропала мобильная связь. В деревне завёли генератор.

Через час стало известно, что в городе повреждена ТЭЦ.

Через два — что без отопления остались несколько районов. На улице было минус четыре. Таня сидела перед печью.

— Вот теперь плохо.

— Да.

— У людей дети.

— Знаю.

— Старики.

— Знаю.

— И что они будут делать?

Он смотрел на огонь.

— Кто сможет — уедет.

— Куда?

— К родственникам. В частные дома. В деревни.

Маргарита появилась в дверях.

— Уже едут.

Связь вернулась ещё на несколько минут. Маргарита дозвонилась сестре. Остальные старались не слушать, но в маленьком доме это было невозможно.

— К нам езжай. Да, серьёзно. Комнату сделаем… Что значит «не надо»?.. С ребёнком тем более.

Она замолчала, слушая.

Лицо у неё постепенно изменилось.

— Поняла. Нет, тогда оставайтесь там. Напиши, как доберётесь.

Она положила телефон.

— Что?

— Её забирают родители мужа. Они ближе и дорога пока открыта.

Таня выдохнула.

— Хорошо.

— Да.

Маргарита ещё долго держала телефон в руке.

— Что? — спросила Катя.

— Ничего. Впервые в жизни я не могу приехать и проверить сама, что с ней всё нормально.

Денис хотел сказать, что сейчас это невозможно для всех, но посмотрел на неё и промолчал.

* * *

На следующий день первой в деревню въехала знакомая машина. Денис узнал Лену, Игоря и Матвея с рынка. Канистру они нашли, но дом бабушки оказался промёрзшим и без стекла на веранде.

— Можно у вас воды набрать? — спросил Игорь.

Через час Денис уже помогал ему заколачивать окно, Таня нашла для Матвея старое одеяло, Катя кормила кота остатками курицы, а Маргарита выясняла, у кого в деревне есть запасная печная труба.

Никто не объявлял о создании общины. Вечером за соседним забором впервые за много лет загорелось окно. На следующий день в деревню приехало много машин. Слишком много. У домов стояли люди, которых никто раньше здесь не видел.

В магазинах очереди выросли вдвое и даже растянулись длинными хвостами на улице. Вода исчезла с полок за час. Газовые баллоны закончились. Дрова подорожали. Генераторы исчезли из продажи. Соседний дом, пустовавший несколько лет, ожил. Туда заехала семья из города.

Четверо взрослых. Трое детей. Собака. Они разгружались почти до темноты. Таня смотрела через забор.

— Вот и всё.

— Что?

— Город пошёл в деревню.

— Логично.

— Пока здесь есть печи.

— И вода.

— И земля.

— И тишина.

— Тишина уже не продаётся.

И всё же здесь было иначе. Даже когда мир снаружи становился всё тревожнее. Даже когда на горизонте по ночам вспыхивало небо. Даже когда гул самолётов сменился тягучей пустотой после закрытия воздушного пространства.

Даже когда люди в чатах обсуждали, где достать топливо, хлеб, лекарства. В деревне каждое утро всё равно наступало. Реально. Светлел восток. Кричали петухи. Из труб поднимался дым.

Люди выходили за водой. Скрипели калитки. Земля заставляла человека помнить о простом. Натаскать дров. Почистить печь. Занести воду. Собрать последние яблоки. Укрыть виноград.

Нужно проверить крышу до снега. Эта конкретность спасала.

Таня сказала:

— Пойдём.

— Куда?

— В лес.

— Сейчас?

— Да.

— Холодно.

— Ты стареешь.

— Это уже было.

— Значит, работает.

Они ушли вдвоём. Лес стоял почти голый. Листья лежали толстым слоем. Каждый шаг звучал сухо и звонко. Воздух был прозрачным. Денис видел Таню далеко между деревьями. Она шла впереди, засунув руки в карманы куртки.

Потом остановилась. Подождала его.

— Послушай.

— Что?

— Именно.

Денис остановился.

Тишина.

Настоящая.

Ветер почти стих.

Где-то очень далеко стучал дятел.

— Странно, — сказал он.

— Что?

— Мы здесь, в лесу, а где-то люди сейчас стоят на границе.

— Да.

— Где-то холодные квартиры.

— Да.

— Где-то падают самолёты.

— Да.

— А здесь ничего.

Таня покачала головой.

— Нет.

— Что?

— Здесь тоже происходит.

— Что?

Она подошла ближе.

— Жизнь.

— Пафосно.

— Иди к чёрту.

Она толкнула его плечом. Он поймал её руку. Таня не вырвала. Наоборот. Остановилась совсем рядом. Холод делал дыхание видимым. Он смотрел на её лицо. Щёки раскраснелись. Волосы выбились из-под шапки.

Глаза были совсем близко. И опять это знакомое сочетание: память и настоящее. Девочка из далёкого лета. Женщина перед ним. Один человек. Две реальности. Таня заметила его взгляд.

— Опять?

— Что?

— Запоминаешь?

Он покачал головой.

— Нет.

— А что?

— Смотрю.

— Научился.

И придвинулась ближе.

Вечер принёс первые снежинки.

Редкие.

Почти невесомые.

Катя выбежала на крыльцо.

— Снег!

— Ты его никогда не видела? — спросила Маргарита.

— Такой — нет.

— Какой такой?

— Первый.

Все вышли. Снег сразу таял на земле. На волосах. На рукавах. На старой яблоне. Денис поднял лицо. И ему стало смешно. Не потому, что было весело. Всё казалось одновременно невозможным и абсолютно естественным.

Мир рушился. Границы закрывались. Города оставались без тепла. Люди двигались по дорогам тысячами. Самолёты не летали. Новости становились страшнее с каждым днём. А снег всё равно падал. Таня встала рядом.

— Красиво.

— Да.

— Холодно.

— Да.

Она посмотрела на него.

— Живы.

Он кивнул.

— Да.

Глава 9

Зимой дом изменился. Чердак закрыли до весны. Теперь их мир переместился вниз. На кухню. К печи. К длинному столу. Вечерами читали вслух. Спорили. Играли в карты. А бывало, молчали часами.

Новости становились всё ужаснее, и всё меньше хотелось их обсуждать. Существовал внешний мир. Большой. Громкий. Опасный. И существовал этот дом. Место, где реальность снова приобретала человеческий масштаб.

В печи горел огонь. На столе — горячий чай и свежий хлеб. А тепла хватало на всех.

Поздно ночью Дениса разбудил далёкий гул. Потом вспышка осветила окно. Через несколько секунд пришёл звук. Глухой. Длинный. Стёкла дрогнули. Он встал. Вышел на кухню. Таня уже была там.

В длинной кофте, босиком.

— Тоже слышала?

— Да.

— Далеко.

— Наверное.

Она подошла к окну. За ним была зима. Белый сад. Чёрное небо. На горизонте медленно угасало оранжевое зарево. Денис встал рядом. Несколько секунд они смотрели. Таня взяла его за руку.

Точно так же, как тогда у реки. Только теперь ладонь была холодной. Он сжал её пальцы.

— Страшно? — спросил Денис.

— Нет.

Она подумала.

— Грустно.

— Почему?

— Где-то сейчас кому-то очень плохо.

— Да.

Она прислонилась к нему плечом. Они стояли у окна. Мир за горизонтом снова грохотал. А здесь было тепло. Горела печь. Спали Маргарита и Катя. На столе лежал хлеб. В баке была вода.

Во дворе — дрова. И рядом дышал живой человек. Таня тихо сказала:

— Знаешь, мне кажется, что мы сделали что-то очень правильное.

— Что?

— Остались.

Денис посмотрел на неё.

— А если это просто случайность?

— Какая разница?

Он подумал.

И улыбнулся.

— Никакой.

Зима сгущалась. А их маленькая жизнь становилась всё яснее. Не проще. Яснее. Они не знали, что будет через месяц. Сохранится ли электричество. Хватит ли топлива. Откроют ли границы. Полетят ли снова самолёты.

Удастся ли восстановить ТЭЦ. Станет ли мир спокойнее или, наоборот, рухнет ещё глубже. Перестали пытаться жить в будущем. Утро. Дрова. Вода. Чай. Снег. Разговор. Река подо льдом. Длинные сумерки. Тёплое плечо рядом.

И хаос снаружи уже не казался всеобъемлющим. У хаоса там было одно очень важное свойство. Он умел создавать близость здесь. К середине зимы никто уже не говорил: «мы временно здесь».

Фраза исчезла сама собой. Сначала из разговоров. Потом из мыслей. А потом и из внутренней логики дома. У каждого появилось своё место.

Маргарита облюбовала маленькую комнату возле кухни, где утром первым появлялся свет. Катя заняла бывшую гостевую, заставила подоконник книгами и пыталась выращивать там зелень — лук, петрушку, какой-то базилик, который упорно не хотел жить.

Денис обосновался в комнате наверху. А Таня… Таня всё чаще оказывалась рядом с ним. Не потому, что они сели и решили: «с этого дня всё будет так». Ничего подобного.

Они уже ничего не определяли. Жизнь сама по себе оказалась мудрее слов.

В первый раз Таня осталась у него на ночь из-за холода в своей комнате. В другой раз им после долгого разговора просто не захотелось расходиться. Объяснения были не нужны. Просыпаться рядом оказалось естественнее, чем каждый вечер расставаться.

Одним утром Денис открыл глаза, увидел её и понял, что давно уже перестал считать это событием.

Это стало частью дома. Так же, как треск поленьев. Кофе. Скрип лестницы. Катины книги. Маргаритины привычные заумные комментарии. И Таня рядом.

Странным образом семья складывалась не вокруг пары.

Она складывалась вокруг всех четверых.

Маргарита первой это заметила.

— Вы понимаете, что мы выглядим как совершенно ненормальная коммуна?

— А что именно ненормального? — спросила Катя.

— Всё.

— Конкретнее.

— Четверо взрослых людей живут в одном доме уже четвёртый месяц. Никто не собирается уезжать. Мы складываем деньги, покупаем продукты вместе, спорим, чья очередь за дровами, и почему-то это никого не раздражает.

— Меня раздражает, — сказал Денис.

— Что?

— Что вы неправильно складываете дрова.

Таня фыркнула.

— Вот видишь. Классическая семья.

— В нормальной семье за такое давно развелись бы.

Катя рассмеялась.

— Значит, у нас улучшенная версия.

Маргарита посмотрела на них.

— Я серьёзно.

Таня поставила на стол миску.

— Я тоже.

— И?

— И ничего.

— То есть тебя не волнует, что это выглядит странно?

— А для кого?

Маргарита открыла рот.

Потом закрыла.

— Вот именно, — сказала Таня.

И села рядом с Денисом.

РАЙОННАЯ ХРОНИКА

Электроснабжение подаётся по аварийному графику.

В нескольких городских районах сохраняются перебои с отоплением и водой.

Работают пункты обогрева. Топливо и генераторы остаются в дефиците.

Часть транспортных маршрутов временно сокращена.

Внешний мир к тому времени окончательно перестал походить на тот, который они знали ещё летом. Электричество появлялось теперь по случайному расписанию. Бывало, свет давали на два часа утром. В другой день — вечером. А порой его не было целые сутки.

На районной подстанции снова произошли повреждения. Их устранили, но вскоре случился очередной сбой. Городские районы один за другим переходили на аварийное отопление. У людей в многоэтажках промерзали стены. Трубы лопались.

Во дворах разводили костры. В школах размещали пункты обогрева. Автобусы ходили редко. Топливо стало самой ценной валютой. Люди меняли бензин на лекарства. Дрова — на продукты.

Генераторы охраняли как банковские сейфы. И всё это было где-то рядом. В двадцати километрах. В пятидесяти. Иногда дальше. Но психологически — за краем их деревни. Здесь тоже было трудно. Но трудно иначе.

Здесь холод означал: принеси дрова. Нет света — зажги лампу. Нет магазина — открой погреб. Нет воды — иди к колодцу. У каждой проблемы было понятное действие. И это делало её переносимой.

В феврале закрыли последние авиарейсы из крупных городов. Ходили слухи, что выезд через границу практически остановлен. Люди, которые пытались уехать, возвращались обратно. Одни жили в машинах. Другие продавали последнее, чтобы перебраться в другой регион.

Поезда переполнялись. Вокзалы превращались в места ожидания без расписания. Денис смотрел на новости всё реже. Таня — почти никогда. Маргарита ещё пыталась следить за всем. Катя окончательно перестала. Однажды она сказала:

— Я больше не хочу знать, сколько всего может случиться.

Маргарита ответила:

— Нельзя же жить, не зная.

— Можно.

— Это безответственно.

— Нет. Безответственно — знать всё и ничего не делать.

Маргарита замолчала.

Катя продолжила:

— Я знаю достаточно. Мир опасный. Людям плохо. Системы рушатся. Всё. Остальное — подробности.

Денис посмотрел на неё.

— Неожиданно мудро.

— Запиши дату.

Таня рассмеялась.

— У нас эпидемия взросления.

В тот вечер они сидели у печи. Снег за окном падал крупными хлопьями. Дом потрескивал от мороза. Свеча коптила. Катя читала вслух старую книгу. Маргарита штопала носок. Таня лежала рядом с Денисом на диване, укрывшись одним одеялом.

В какой-то момент она уснула. Просто положила голову ему на грудь и перестала отвечать. Денис провёл ладонью по её волосам. Медленно. Почти машинально. Маргарита посмотрела на них. Потом на Катю.

Катя тоже подняла глаза от книги. Несколько секунд никто ничего не говорил. Маргарита тихо сказала:

— Я иногда завидую.

Денис посмотрел на неё.

— Чему?

Она пожала плечами.

— Тому, что у вас это получилось так просто.

Таня открыла глаза.

Оказывается, не спала.

— Ничего не просто.

— Со стороны просто.

— Со стороны всегда всё проще.

Маргарита улыбнулась.

— Возможно.

Таня села.

— И вообще, кто сказал, что речь только о нас с Денисом?

Маргарита нахмурилась.

— В смысле?

— В прямом.

Она посмотрела на Катю.

Потом на Маргариту.

— Мы же все здесь друг для друга.

Катя тихо сказала:

— Вот это сейчас прозвучало пугающе серьёзно.

— Потому что так и есть.

— Я не хочу делить наш дом на «пару» и «остальных».

Денис повернулся к ней.

Она продолжила:

— Да, мы с Дэном близки. Это очевидно. Но то, что происходит между нами четырьмя, тоже близость.

Маргарита долго смотрела на неё.

— И как это назвать?

Таня улыбнулась.

— А зачем?

Это стало их негласным правилом. Не называть. Они просто жили. И чем страшнее становилось снаружи, тем меньше им хотелось тратить силы на объяснение того, что внутри.

Маргарита стала чаще сидеть рядом с Таней. Катя иногда засыпала у Дениса на плече во время чтения. Они обнимались. Целовали друг друга в щёку. Ссорились. Мирились. Спали временами в одной комнате, когда ночью было особенно холодно и печь не справлялась.

Иногда лежали все вместе под несколькими одеялами и разговаривали до утра. Никто не чувствовал себя незваным гостем в чужой жизни. Наоборот. Как будто каждый понемногу снимал броню, которую носил годами.

И Денис понял, что раньше слишком узко понимал слово «семья». Не как кровное родство. Не как штамп. Не как пару. А как пространство, в котором не нужно доказывать право быть.

Глава 10

В начале марта Таню стало тошнить по утрам. Сначала она списала на еду, затем на холод. Позже решила, что виновата усталость. Маргарита наблюдала несколько дней, а потом сказала:

— Таня.

— Что?

— Ты понимаешь, что это может быть?

Таня замерла.

— Не начинай.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Они посмотрели друг на друга.

Катя сидела за столом.

Денис колол дрова во дворе.

— У тебя задержка? — тихо спросила Маргарита.

Таня ничего не ответила.

Этого было достаточно.

Тест удалось достать через два дня. Аптека в районе работала три часа в день. Очередь стояла на улице. Большинства лекарств не было. Маргарита приехала обратно под вечер. Положила маленькую коробочку на стол.

Таня забрала её и ушла. Денис ничего не знал. Катя ходила по кухне. Маргарита сидела неподвижно. Прошло несколько минут. Потом открылась дверь. Таня вошла. Очень бледная. И удивительно спокойная.

Положила тест на стол. Две полоски. Никто не сказал ни слова. Тишина сделала отчётливым всё: треск поленьев в печи, скрип ветки по крыше, далёкий лай собаки.

За окном заскрипел снег под чьими-то шагами. Маргарита первой поднялась. Подошла. Обняла Таню. Просто. Сильно. Катя подошла следом. Через секунду они уже стояли втроём. Таня сначала держалась. Потом заплакала. Тихо.

Без истерики. Как будто всё, что она удерживала последние месяцы, наконец нашло щель. Маргарита гладила её по спине. Катя держала за руку.

— Всё нормально, — прошептала Катя.

Таня засмеялась сквозь слёзы.

— Нет.

— Что?

— Ничего не нормально.

И все трое рассмеялись.

Денис вернулся через двадцать минут. Занёс дрова. Снял куртку. Посмотрел на них. Три женщины сидели за столом слишком тихо.

— Что случилось?

Никто не ответил. Таня подняла на него глаза. Он увидел тест. Несколько секунд не понимал. Потом понял. И словно всё вокруг отодвинулось.

— Это…

Она кивнула.

Денис сел.

— Точно?

Маргарита сказала:

— Два теста.

— Два?

— Чтобы ты не начал анализировать статистику ошибки.

Он посмотрел на Таню.

— Как ты?

Она пожала плечами.

— Не знаю.

— Хорошо.

— Что хорошо?

— Что не знаешь.

— Ты меня испортил.

Он придвинулся ближе.

Взял её за руку.

— Ты хочешь этого?

Таня посмотрела на него так, будто вопрос был одновременно правильным и невыносимым.

— Я хочу, чтобы ты сейчас не превращал меня в задачу.

Денис нахмурился.

— Я не превращаю.

Маргарита и Катя переглянулись. Обе поняли, что лучше выйти, но Таня остановила их:

— Нет. Останьтесь.

Она повернулась к Денису.

— Ты уже считаешь комнаты, бензин, врачей, маршруты. Я вижу.

— Потому что это важно.

— Важно. Но это моё тело. И мой страх. И прежде чем ты построишь вокруг нас бункер, я хочу хотя бы день просто побыть беременной.

Денис откинулся на спинку стула.

— Хорошо.

— Не «хорошо» таким голосом.

— А каким?

— Которым ты соглашаешься, а сам уже составляешь таблицу.

Катя не выдержала и улыбнулась. Маргарита толкнула её локтем.

— Я боюсь, — сказал он.

Она смягчилась мгновенно.

— Я тоже.

— И когда я боюсь, я начинаю делать.

— Знаю.

— Я не умею просто ждать.

— Научишься.

— Это угроза?

— Беременность, Денис. Девять месяцев обучения.

Теперь засмеялись все. Таня замолчала надолго. Она перевела взгляд с Маргариты на Катю, задержалась на Денисе. Оглядела кухню и пламя в печи.

— Да.

Очень тихо.

— Боюсь. Но да.

Денис кивнул.

— Тогда всё.

— Что «всё»?

— Значит, будем.

— Что будем?

Он посмотрел на неё.

— Жить.

Но вечером тетрадь всё-таки появилась. На первой странице Денис написал только одно: «Спросить Таню, что ей нужно». Она увидела запись на следующий день и ничего не сказала. Просто поставила рядом маленькую галочку.

Оказалось, что эти слова действительно включали всё. Найти врача. Понять, где теперь работает УЗИ. Достать витамины. Запастись продуктами. Сделать комнату теплее. Решить, что делать, когда электричество пропадает надолго. Где брать воду.

Как добраться до больницы, если бензина не будет. Как организовать запас топлива. Что делать, если дороги перекроют. Денис взялся за всё сразу. Через два дня тетрадь напоминала рабочий журнал целого штаба.

На следующем развороте:

Таня. Беременность. Автономность.

Она увидела.

— Ты ненормальный.

— Почему?

— Ты написал «автономность» рядом с моей беременностью.

— А что?

— Я теперь объект инфраструктуры?

— Самый важный.

Она засмеялась.

— Господи.

И обняла его.

Все медицинские заботы взяла на себя Маргарита. Она читала инструкции. Искала работающие аптеки. Созванивалась с людьми. Нашла акушерку, которая теперь принимала роды дома. Катя занялась питанием.

С невероятной серьёзностью.

— Никаких консервов каждый день.

— Почему? — спросил Денис.

— Потому что.

— Аргумент.

— Я исследовала.

— Где?

— Не мешай.

Таня сидела за столом и наблюдала за ними.

— Вы понимаете, что беременна я, а сумасшедшими стали вы?

Маргарита ответила:

— Это семейное.

И никто даже не заметил, как естественно прозвучало последнее слово.

До конца апреля живот почти не менялся.

Таня сама сказала:

— Кажется, уже видно.

Все четверо встали перед старым зеркалом.

— Где? — спросил Денис.

— Вот.

— Не вижу.

— Конечно. Мужчина.

— Это сексизм.

Маргарита посмотрела.

— Есть немного.

Катя кивнула.

— Есть.

Денис прищурился.

— Может быть.

Таня толкнула его.

— Идиот.

* * *

Через неделю он уже видел. Совсем немного. Но видел. И однажды вечером, когда остальные ушли спать, он сидел рядом с Таней на диване. Она взяла его руку. Положила себе на живот.

— Пока ничего не почувствуешь.

— Знаю.

— Тогда зачем так смотришь?

Он помолчал.

— Не знаю.

Таня улыбнулась.

— Вот наконец-то хороший ответ.

Он держал ладонь на её животе. Очень осторожно. Будто внутри происходило нечто хрупкое, хотя прекрасно понимал, что человеческая жизнь гораздо прочнее, чем кажется. Таня положила свою руку поверх его.

— Страшно?

— Очень.

— Мне тоже.

— Значит, всё нормально.

— Твоя логика поражает.

— Работаю над ней.

Она придвинулась ближе.

И они долго сидели так.

Маргарита вечером легла рядом с Таней и положила голову ей на плечо.

— Я устала, — сказала она.

Таня погладила её по волосам.

— Я вижу.

— От всего.

— Знаю.

Катя принесла одеяло.

Накрыла обеих.

Села рядом.

Денис вошёл, посмотрел на троих.

— Место есть?

Таня подняла край одеяла.

— Иди сюда.

Он сел. Никто ничего не сказал. Четыре человека рядом. Четыре дыхания. Огонь в печи. Прохладный весенний вечер за окнами. И не было никакой неловкости. Только то самое редкое чувство, когда присутствие другого человека не забирает пространство, а расширяет его.

В начале мая снова ударили по энергетике. На этот раз серьёзнее. Несколько городов остались без света на неделю. Во многих районах полностью встало отопление. Людей начали вывозить. В деревню прибыло ещё больше семей.

Свободных домов не осталось. Приезжих принимали родственники. Остальные ютились в летних кухнях и банях, утепляли гаражи. На дорогах появились блокпосты. Проверки. Слухи о новых ограничениях. Уезжать стало практически некуда.

Мир вокруг деревни ощутимо сжимался. Но внутри дома происходило обратное. Их мир становился больше. Теперь в нём появился ещё один человек. Пока невидимый. Но уже реальный.

В середине мая открыли чердак.

Первой поднялась Таня.

Живот уже был заметен.

Она остановилась посреди пыльного пространства.

— Ну вот.

Денис стоял за ней.

— Что?

— Всё началось здесь.

— Не всё.

— Я про нас.

Маргарита с Катей поднялись следом. Катя открыла окно. На чердак ворвался весенний воздух. Влажный. Тёплый. Живой. Где-то внизу шумела вода. Птицы сходили с ума. И впервые за многие месяцы природа пахла не выживанием. А началом.

Таня подошла к окну. Денис встал рядом. Маргарита с Катей устроились на полу. Таня положила ладонь на живот.

— Толкается.

Все вскочили одновременно.

— Сейчас?

— Да.

— Где?

— Подождите.

Она засмеялась. Маргарита первой положила ладонь на живот Тани. К ней присоединились Катя и Денис. Четыре ладони. Один живот. И вдруг — едва заметное движение. Катя ахнула.

А Таня рассмеялась. Счастливо. Почти по-детски.

— Вот.

И это короткое движение оказалось сильнее всех новостей за последние месяцы. Сильнее взрывов. Сильнее закрытых границ. Сильнее отключений. Внешний мир всё время сообщал им о том, что заканчивается. А здесь, на чердаке, все четверо ждали ещё одного едва ощутимого толчка.

Что-то начиналось.

В тот вечер они снова пошли к реке. Теперь Таня шла медленнее. Катя то и дело предлагала ей опереться на руку.

— Отстань.

— Там скользко.

— Я беременная, а не инвалид.

— Какая вредная.

— Всегда была.

Маргарита шла рядом с Денисом.

— Ты счастлив?

Он задумался.

— Да.

— Точно?

— Да.

— Странно.

— Почему?

Она посмотрела на него.

— Мир катится неизвестно куда, а ты выглядишь спокойнее, чем когда я знала тебя раньше.

Денис посмотрел на Таню впереди.

На Катю рядом с ней.

На реку.

На деревья.

— Наверное, потому что раньше мне казалось, что надо контролировать весь мир.

— А теперь?

— Теперь хватает вот этого.

Маргарита улыбнулась.

— Маленькая территория.

— Огромная.

У воды Таня села на старый мосток. Денис рядом. Маргарита и Катя чуть дальше. Вечер был тёплый. Последний лёд ушёл. Вода шла быстро.

— Представляешь, — сказала Таня, — он или она будет знать этот мир только таким.

— Каким?

— Нестабильным.

Денис пожал плечами.

— Для ребёнка нормальный мир — тот, в котором он родился.

— Это страшно.

— Почему?

— Мы всё время сравниваем.

— А он не будет.

Она посмотрела на него.

— Может, это и хорошо.

Денис положил ладонь ей на живот.

— Мы дадим ему другое.

— Что?

Он огляделся. Дом виднелся вдали, рядом были Маргарита и Катя. У мостков тихо плескалась река.

— Опору.

Таня улыбнулась.

— Семью?

Он кивнул.

— Да.

Она помолчала.

— Очень шаткую.

— Зато нашу.

И Таня тихо рассмеялась.

За лесом садилось солнце. Далеко-далеко на горизонте снова что-то бахнуло. Никто не обернулся.

Они не перестали замечать — но теперь звук снаружи не обязан становиться частью их жизни.

Рядом текла вода. В деревьях пели птицы. Ребёнок снова толкнулся. Таня поймала руку Дениса и прижала крепче. Маргарита окликнула их:

— Вы идёте?
Катя уже махала с тропы.
Таня поднялась.
— Идём.
Денис помог ей встать.
И они пошли к дому вчетвером.
Точнее, уже впятером.

Глава 11

Глава 11. Перемирие

К концу весны заговорили о перемирии. Сначала это прозвучало как очередной слух. Кто-то переслал сообщение в сельский чат.

В ответ написали: «Не верьте, опять вброс».

Потом появились официальные обращения.

ОФИЦИАЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ

Стороны объявили о временном прекращении огня.

Открываются гуманитарные коридоры и начинается обмен военнопленными.

Аварийные службы приступают к восстановлению энергетики и транспортного сообщения.

В обеих странах формируются временные органы управления.

В обеих воюющих странах объявили о создании новых правительств и чрезвычайных комитетов. Старые структуры либо распались, либо сохранились лишь номинально. На экранах появились новые лица — усталые, плохо выспавшиеся, говорящие без былого пафоса.

Слова звучали почти невероятно:

прекращение огня.

временное перемирие.

гуманитарные коридоры.

восстановление энергетики.

обмен пленными.

поэтапное открытие транспортного сообщения.

В деревне не праздновали.

Люди слишком устали, чтобы верить словам сразу.

В магазине старик у кассы сказал:

— Вот когда неделю ничего не прилетит, тогда и посмотрим.

Никто с ним не спорил.

В доме новость встретили так же. Без криков, шампанского или надежд, которые страшно выпускать наружу. Маргарита сидела за ноутбуком и читала сводки.

— Тридцать шесть часов.

— Тишины.

— Уже рекорд?

— За последние месяцы — да.

Таня лежала на диване, положив руки на живот.

Беременность становилась всё заметнее, и это само по себе каким-то образом делало любые новости менее значимыми. — Значит, может получиться, — сказала она.

Маргарита покачала головой.

— Может.

— Ты говоришь это так, будто тебе больно надеяться.

— Потому что больно.

Денис подбросил полено в печь.

— Тогда не будем.

Маргарита посмотрела на него.

— Чего?

— Надеяться.

— А что будем?

— Смотреть.

Таня улыбнулась.

— Вот теперь ты научился.

Через неделю действительно стало тише. Ещё не мирно. Но тише. Самолёты снова начали появляться высоко в небе. Сначала редко. Потом чаще. Открылся один аэропорт. Следом — другой. Топливо ещё оставалось дефицитом, но на заправке возле трассы впервые за много месяцев исчезла очередь.

На полках магазинов появились продукты. Сначала обычный хлеб. Следом — масло и кофе. Как будто цивилизация не возвращалась целиком, а осторожно просовывала в дверь отдельные предметы. Свет всё ещё отключали. Отопление в городах героически восстанавливали вручную.

На окраинах разбирали повреждённые дома. Тысячи людей всё ещё жили у родственников. Но направление изменилось. Впервые за долгое время говорили не только о потерях. Замечали и то, что возвращалось.

Они сидели вечером на кухне. Таня ушла спать раньше — беременность выматывала её всё сильнее с каждым месяцем.

Денис чинил фонарь. Маргарита чистила яблоко. Катя долго молчала, потом сказала то, о чём давно думала. :

— Я тоже хочу ребёнка.

Она сама удивилась тому, что сказала это вслух.

Несколько недель до этого мысль появлялась в самых неподходящих местах. Когда она помогала Тане застегнуть куртку, которая уже не сходилась на животе. Когда Денис ночью вставал проверить печь и, проходя мимо дивана, машинально поправлял на Кате одеяло. Когда они втроём спорили о коляске, которую нужно где-то достать.

* * *

Как-то Катя проснулась раньше остальных и увидела на кухне Дениса. Он сидел над тетрадью и что-то писал. Таня спала в соседней комнате. Дом был тихим.

Катя представила маленького человека за этим столом — не конкретного, даже без лица. И поняла, что мысль не пугает её.

Она никому не сказала.

Позже появились другие мысли, от которых было трудно отмахнуться. Ей нравилось смотреть, как Денис меняется рядом с Таней. Не потому, что хотелось отнять его. Скорее потому, что она впервые увидела в нём то, чего раньше не замечала: способность принадлежать не месту и не плану, а человеку.

Иногда от этого становилось больно.

Поэтому, когда на кухне наконец прозвучало «я тоже хочу ребёнка», за короткой фразой уже стояли месяцы размышлений, о которых остальные ничего не знали.

Маргарита подняла глаза.

— Ну хочешь и хочешь.

— От Дениса.

Отвёртка выпала из руки Дениса.

Маргарита не сразу поняла, что услышала.

— Что?

Катя посмотрела на неё спокойно.

— Я хочу ребёнка от Дениса.

На кухне стало очень тихо.

Денис медленно положил фонарь на стол.

— Катюш…

— Не начинай.

— Я пока ничего не сказал.
— Вот и хорошо.
Маргарита отложила нож.
— Ты серьёзно?
— Абсолютно.
— С каких пор?
— Не знаю.
— Очень хорошее время для решения родить ребёнка.
Катя раздражённо посмотрела на неё.
— Рит, не надо.
— Что не надо?
— Говорить со мной как с идиоткой.
— Тогда не говори, как идиотка.
Денис поднял ладонь.
— Так. Стоп.
Катя повернулась к нему.
— А ты вообще молчи.
— Почему это?
— Потому что, если сейчас начнёшь рационализировать, я тебя прибью.
— Хорошо.
Он снова взял фонарь.
— Молчу.
Маргарита посмотрела на него.
— Очень удобно устроился.
— Мне приказали.
Катя встала.
Прошла к окну.
За стеклом была мягкая весенняя темнота.
— Я не сошла с ума.
— Я этого не говорила, — сказала Маргарита.
— Именно это ты сказала.
— Я сказала, что решение выглядит импульсивным.
— Оно не импульсивное.
— Тогда объясни.
Катя повернулась.
— Что объяснить?
— Почему именно сейчас.
— Потому что я хочу.
— Это не объяснение.
— Для тебя — нет.
— Для ребёнка тоже.
Катя прищурилась.
— Ты сейчас серьёзно?
— Очень.

Маргарита говорила спокойно. Не жёстко. Но так, как обычно говорят люди, которые не хотят дать другому спрятаться за красивой формулировкой.

— Ребёнок — это не доказательство того, что мы семья.
— Я знаю.
— Не способ закрепить то, что здесь происходит.

— Знаю.
— Не страховка от одиночества.
— Я не одинока.
— Не ответ на Танину беременность.
Вот здесь Катя замолчала.
Денис перестал изображать занятость.
Маргарита увидела это.
— Вот.
— Что «вот»?
— Здесь что-то есть.
Катя резко ответила:
— Конечно есть.
— Что?
— Я смотрю на неё и завидую.
Маргарита кивнула.
— Наконец-то.
— Чему ты так довольна?
— Я не довольна. Я рада, что ты перестала говорить лозунгами.
Катя села обратно.
На глаза навернулись слёзы, но она не плакала.
— Я завидую ей.
— Ребёнку?
— Всему.
— Дэну?
Катя посмотрела на него.
Потом снова на Маргариту.
— И ему тоже.
Денис хотел сказать что-то, но Маргарита жестом остановила.
— Дай ей договорить.
Катя выдохнула.
— Я смотрю, как они изменились. Как Таня стала другой. Как он стал другим. И я понимаю, что хочу такого же… не знаю… корня.
— Корня?
— Да.
Она посмотрела на свои руки.
— Что-то, что будет дальше меня.
Маргарита смягчилась.
Села ближе.
— Вот теперь я тебя понимаю.
— И всё равно будешь отговаривать?
— Да.
— Почему?
— Понять желание и согласиться с решением — не одно и то же.
Катя усмехнулась.
— Ты невыносима.
— Я знаю.
— Тогда говори.
Маргарита немного подумала.

— Ты сейчас проживаешь очень эмоциональную среду. Мы все проживаем. На нас сейчас слишком многое обрушилось. На тебя — особенно.

Она повела рукой по кухне.

— Война. Дом. Перемирие. Танина беременность. То, что мы стали семьёй. Все эти невероятные события.

— И?

— И мне кажется опасным принимать необратимое решение внутри такой волны.

— Ребёнок — не ошибка.

— Я этого не сказала.

— Почти.

— Нет. Я говорю другое.

Маргарита наклонилась вперёд.

— Если через полгода, когда всё станет спокойнее, ты всё ещё будешь хотеть именно этого — я первая буду рядом.

Катя молчала.

— Но сейчас, — продолжила Маргарита, — я бы дала себе время.

— Сколько?

— Не знаю.

— Очень удобно.

— Хотя бы до рождения Таниного ребёнка.

Катя посмотрела на неё.

— Почему именно до рождения?

— После рождения ты увидишь не картинку беременности.

— А реальную жизнь. Ночные подъёмы. Усталость. Страх. Ответственность. И тогда спросишь себя иначе. Не просто «хочу ли я ребёнка?». А «готова ли я быть матерью?».

Денис тихо сказал:

— В этом она права.

Катя повернулась к нему.

— Тебя никто не спрашивал.

— Я знаю.

— Тогда зачем?

— Потому что это касается и меня.

Она смотрела долго.

Потом неожиданно улыбнулась.

— Ну хоть это признал.

— Я не собирался прятаться.

— И что ты думаешь?

Денис ответил не сразу.

— Я не хочу отвечать сейчас.

— Почему?

— Потому что, если скажу «да», это будет слишком легко.

— А если «нет»?

— Это будет нечестно.

Катя нахмурилась.

— Очень по-денисовски.

— К сожалению.

Он положил ладони на стол.

— Мне нужно понять, что ты просишь на самом деле.

— Я ничего не прошу.

— Вот именно.

Она посмотрела на него внимательнее.

— Я говорю, что хочу ребёнка от тебя.

— Это и есть просьба, даже если ты её не формулируешь.

— А если я просто делюсь мыслью?

— Тогда мы её сейчас и обсуждаем.

Катя отвернулась.

— Ненавижу вас обоих.

Маргарита улыбнулась.

— Значит, разговор идёт хорошо.

Утром Таня узнала обо всём. Конечно. Скрывать что-либо в доме на четверых было практически невозможно. Она сидела на кровати, расчёсывая волосы. Катя стояла у двери.

— Ритка рассказала?

— Нет.

— Дэн?

— Нет.

— Тогда откуда?

Таня улыбнулась.

— Ты ночью ходила по дому как призрак.

— И?

— И я тебя знаю.

Катя села рядом.

Долго молчала.

— Я хочу ребёнка.

— Знаю.

— От Дениса.

Таня продолжала расчёсывать волосы.

— Поняла.

Катя посмотрела на неё почти раздражённо.

— И всё?

— А что ты ждёшь?

— Не знаю.

— Скандала?

— Может быть.

— Почему?

— Потому что он…

Она остановилась.

Таня повернулась.

— Потому что он что?

Катя не ответила.

Таня положила расчёску.

— Денис не моя собственность.

Катя резко посмотрела на неё.

— Тань.

— Что?

— Ты серьёзно?

— Абсолютно.

— Ты беременна от него.

— Да.

— Вы вместе.

— Да.

— И тебя это не…

— Что именно?

Катя не находила слова.

Таня закончила за неё:

— Не разрушает?

— Да.

Таня задумалась.

— Нет.

— Почему?

— Наверное, потому что то, что между нами происходит, уже не объяснишь привычными словами.

Она погладила живот.

— Но Марго в одном права.

— Конечно.

— Не злись.

— Я не злюсь.

— Злишься.

— Немного.

— Она не пытается отговорить тебя.

— Тогда чего?

— Не дать тебе перепутать желание с решением.

Катя спросила:

— Ты была бы против?

Таня подняла взгляд.

На этот раз Таня не ответила сразу.

— Я не знаю.

Катя удивилась.

— Ты же только что…

— Я сказала, что Дэн не моя собственность.

— А это другое?

— Конечно.

Она улыбнулась почти грустно.

— Одно дело философствовать про свободу. Другое — почувствовать её на собственной коже.

— И что чувствуешь?

Таня подумала.

— Ревность.

Катя замерла.

Таня продолжила:

— Страх.

Пауза.

— И одновременно странное ощущение, что ты мне слишком близкий человек, чтобы я хотела просто сказать тебе «нет».

— Вот поэтому всё это ненормально.

— Конечно ненормально.

Таня рассмеялась.

— А ты ещё сомневалась?

Катя тоже улыбнулась.

— Нет.

— Вот и хорошо.

Днём они пошли втроём к реке.

Без Дениса.

Маргарита сначала не хотела.

Катя сказала:

— Нет уж. Ты начала, теперь отвечай.

Река разлилась после таяния снега. Вода была мутной и быстрой. Они шли по высокому берегу. Таня уставала, и Катя всё время замедляла шаг. В какой-то момент Маргарита сказала:

— Я не против того, чтобы ты когда-нибудь родила от Дениса.

Катя остановилась.

— Что?

— Я против сейчас.

— Вот это новость.

— Я не моралист.

— Иногда очень похоже.

— Я просто хочу, чтобы мы не сломали то, что у нас получилось.

Таня посмотрела на неё.

— А если это не сломает?

— Тогда прекрасно.

— А если наоборот укрепит?

Маргарита вздохнула.

— Вот поэтому я не люблю такие разговоры.

— Почему?

— У вас на каждую логичную конструкцию находится ещё одна.

Катя усмехнулась.

— Ты сама нас этому учишь.

Они дошли до знакомого места у мостков.

Таня села.

Катя рядом.

Маргарита осталась стоять.

— Я вам скажу, чего я на самом деле боюсь.

— Ну? — спросила Таня.

— Что вся эта наша близость возникла от страха.

Катя нахмурилась.

— Какого?

— Что мир рухнул.

Маргарита посмотрела на обеих.

— Мы прижались друг к другу, потому что вокруг было страшно.

— Возможно, — сказала Таня.

— И что будет, когда мир восстановится?

Тишина.

Вода шумела внизу.

Маргарита продолжила:

— Самолёты снова полетят. Магазины заработают. Границы откроют. Люди вернутся в города.

— И?

— А мы?

Катя посмотрела на неё.

— Ты хочешь уехать?

— Нет.

— Тогда в чём вопрос?

— Я хочу понять, остаёмся ли мы здесь потому, что выбираем друг друга.

— Или потому, что больше некуда было идти.

Таня долго молчала.

Потом сказала:

— Тогда перемирие — хороший тест.

Маргарита посмотрела на неё.

— Именно.

Вечером Денис нашёл их троих на чердаке. Таня сидела у окна. Маргарита лежала на матрасе. Катя смотрела в потолок.

— Женский совет?

— Суд над тобой, — сказала Маргарита.

— Каков вердикт?

— Пока казнь отложили.

— Спасибо.

Он сел рядом.

Катя посмотрела на него.

— Мы решили подождать.

— С чем?

— Ты прекрасно понимаешь.

— Хорошо.

— И всё?

— А что ещё?

— Не знаю.

— Тогда это хороший ответ.

Таня улыбнулась.

— Эпидемия распространяется.

Через несколько дней объявили о первом этапе открытия границ. Пока только для отдельных категорий. Через неделю восстановили несколько международных рейсов. На заправке появился бензин без лимита. Цена была чудовищной. Но он был.

В магазине появился кофе. Катя торжественно принесла пачку домой. Положила на стол.

— Цивилизация вернулась.

Денис посмотрел на цену.

— Нет. Это уже постцивилизация.

И все рассмеялись.

В доме ничего не изменилось. Не начаил собирать чемоданы. Не говорили: «ну теперь можно возвращаться». Наоборот. Посадили огород. Денис отремонтировал старую теплицу. Маргарита заказала семена. Катя красила забор.

Таня сидела в тени и командовала.

— Вот теперь я точно понимаю, кто здесь власть, — сказал Денис.

— Беременность дала мне конституционные полномочия.

— Когда они закончатся?

— Никогда.

Маргарита снова подняла старую тему.

— Катюш.

— Что?

— Ты всё ещё хочешь?

Катя поняла сразу.

Посмотрела на Таню.

На Дениса.

На свой огород за окном.

Потом улыбнулась.

— Да.

Маргарита вздохнула.

— Чёрт.

— Что?

— Я надеялась, что пройдёт.

— Не прошло.

— Тогда подождём ещё.

— Марго!

Все засмеялись.

Маргарита подняла руки.

— Хорошо. Хорошо.

Потом стала серьёзной.

— Просто сделай мне одно одолжение.

— Какое?

— Когда решишь окончательно — пусть это будет не потому, что мир вокруг сломался.

Катя посмотрела на неё.

— А почему?

Маргарита чуть улыбнулась.

— Мир вокруг снова оживает.

— И если ты выберешь это теперь, значит, это действительно твоя жизнь. Не реакция на катастрофу. Не бегство. Не страх. Выбор.

Катя долго молчала. Потом кивнула.

— Договорились.

За окном почти стемнело. Небо прочертил самолёт. Обычный пассажирский самолёт. Все четверо одновременно подняли головы. Белый огонёк двигался через небо мирно и спокойно. И Таня сказала:

— Странно.

— Что?

Она положила ладонь на живот.

— Я отвыкла от того, что небо может просто быть небом.

Никто не ответил. Они стояли у окна и смотрели, как мигающий огонёк исчезает за горизонтом. И впервые за долгое время небо не несло с собой угрозу.

Глава 12

Глава 12. Ожидание
К концу июня Таня стала уставать быстрее.
Жара переносилась тяжело.
Она почти перестала ходить к реке днём.
Иногда выбиралась вечером.
Медленно.
Вместе со всеми.
И вот они снова сидят на мостках.
Четверо.
Почти пятеро.
Вода была тёплой.
Над рекой стоял свет.
Мягкий, длинный, вечерний.
Катя смотрела на Таню.
— Ты боишься родов?
— Да.
— Сильно?
— Иногда.
— А Дэн?
Таня усмехнулась.
— Дэн боится больше меня.
— Неправда, — сказал он.
— Правда.
Маргарита кивнула.
— Правда.
— Прекрасно. Трое против одного.
Катя рассмеялась.
— Семейная демократия.
Денис посмотрел на неё.
— Ты уже окончательно решила?
Катя не стала делать вид, что не понимает вопрос.
— Да.
Маргарита вздохнула.
— Чёрт.
— Что?
— Я так надеялась, что ты скажешь «нет».
— Почему?
— Тогда мне не пришлось бы учиться принимать ещё одну ненормальность.
Таня улыбнулась.
— Ты справишься.
Маргарита посмотрела на неё.
— Вы все сумасшедшие.
— Но ты всё ещё с нами.
— Вот это меня беспокоит больше всего.

Июль тоже был жарким. Днём воздух стоял над огородами неподвижно. Таня всё чаще оставалась в тени старой яблони, пока остальные таскали воду и поливали грядки. Денис несколько раз начинал фразу с «тебе надо», останавливался и исправлялся:

— Тебе что-нибудь нужно?

Первые два раза Таня смотрела на него с подозрением.

На третий только сказала:

— Воды. И чтобы ты перестал носиться со мной, как с писаной торбой.

— Второе сложнее.

— Я знала.

Правило из тетради — «Спросить Таню» — оказалось не таким простым в исполнении. Таня просила помощи, когда та была нужна. В другие дни отмахивалась: «Ничего», — а могла и сама пойти к грядкам с ведром, послав Дениса подальше. Он постепенно учился различать заботу и необходимость быть полезным каждую минуту.

В районе тем временем запустили автобус — сначала два раза в неделю. На остановке у магазина появился свежий лист с расписанием, и люди несколько дней подходили к нему посмотреть, словно бумажка доказывала, что время снова способно двигаться вперёд.

В международных выпусках говорили о транспортных коридорах, возвращении эвакуированных и постепенном открытии границ. Мир не возвращался одновременно — он включался частями.

В больнице восстановили стабильное электроснабжение. Маргарита выяснила это раньше, чем объявление появилось официально, и повезла Таню на плановый осмотр.

Дорога всё ещё была разбита в двух местах, но теперь там работала техника. У въезда в районный центр вместо блокпоста возвышался временный светофор.

— Цивилизация, — сказала Катя с заднего сиденья.

— Не преувеличивай, — ответила Маргарита. — Это светофор.

Кабинет УЗИ снова работал. В коридоре пахло краской: одну стену уже успели перекрасить, вторую только шпаклевали. Рядом с кабинетом сидели две беременные женщины, пожилой мужчина с перевязанной рукой и мальчик с пакетом яблок. Обычная очередь казалась почти роскошью.

Врач сказал, что всё идёт нормально. Денис задал три вопроса, на четвёртом посмотрел на Таню.

— Ещё?

Она подумала.

— Спроси про дорогу сюда, если начнётся ночью.

Он спросил. И впервые за месяцы Таня не усмехнулась.

В августе часть людей, приехавших прошлой осенью из города, начала возвращаться. Другие остались и уже не называли себя временными. Лена с Игорем решили пока не уезжать: в городе было электричество, но школа Матвея ещё была закрыта, а здесь он за лето успел завести друзей.

— Получается, миграция теперь в обе стороны, — сказал Денис.

— Поздравляю, — ответила Таня. — Мир снова стал сложнее твоей схемы.

Катя всё чаще оставалась с Таней вдвоём. Помогала завязать шнурки, когда живот уже мешал наклоняться, приносила ночью воду, однажды целый час сидела рядом из-за ложных схваток, пока Маргарита по телефону проверяла симптомы.

После этого Катя утром долго молчала.

— Передумала? — спросила Таня.

Катя посмотрела на неё.

— Нет.

— Жаль. Я хотела хотя бы один раз оказаться убедительной.

— Ты очень убедительная. Просто результат другой.

Таня рассмеялась и тут же поморщилась, положив ладонь на поясницу.

Катя встала.

— Что?

— Ничего страшного. Но вот сейчас можешь быть полезной.

И Катя впервые услышала в этих словах не приглашение к красивому будущему, а обычную усталость.

К сентябрю в магазине снова появились товары, о которых уже почти забыли: детские подгузники нескольких размеров, настоящий кофе, школьные тетради. На почте начали нормально принимать посылки, а не «по возможности», как весь последний год. Электричество временами пропадало, но уже не надолго.

Деревня оживала. Крыши теперь чинили основательно, не на одну зиму: люди собирались оставаться. На старой остановке дети ждали школьный автобус. По вечерам снова слышали самолёты, но никто не выходил во двор проверять небо.

Беременность Тани становилась всё тяжелее. Она ходила медленнее, спала плохо и раздражалась на совершенно невинные вещи.

Однажды Денис молча переставил стул ближе к кухонному столу.

Таня заметила.

— Ты сейчас решил за меня?

Он замер.

— Я поставил стул.

— Правильный ответ.

Она села.

В октябре ночи стали холодными. Сумка для больницы стояла собранной, машина была заправлена, запасной маршрут Денис проверял уже не каждый день, а только после сильных дождей. Районная больница сообщила, что родильное отделение работает в обычном режиме. Маргарита всё равно держала телефон акушерки на бумажке возле холодильника.

Катя больше не спрашивала Таню, страшно ли ей. Она уже знала, как меняется страх. Утром он отступал. Ночью возвращался. После хорошего осмотра становилось легче, но достаточно было случайной истории в интернете — и тревога накатывала снова.

Внешний мир тоже приходил в себя неровно. Одно удавалось восстановить, другое снова выходило из строя. А с некоторыми переменами предстояло просто научиться жить. У каждого внешнего сбоя уже не было права автоматически становиться центральным событием их жизни.

Таня в последние недели перед родами стала более тихой.

Иногда очень нежной. Иногда раздражительной до абсурда.

Вечером она расплакалась из-за того, что Денис неправильно поставил чашку.

Потом сама начала смеяться.

— Я ненормальная.

— Это гормоны.

— Только попробуй ещё раз сказать слово «гормоны».

— Молчу.

— Вот и правильно.

Через пять минут она обняла его.

— Не уходи.

— Я здесь.

— Знаю.

— Тогда что?
— Просто скажи.
— Я здесь.
— Хорошо.

Глава 13

Глава 13. Маринка

Роды начались ночью.

Таня разбудила Дениса и сказала:

— Кажется, началось.

Он мгновенно проснулся.

— Точно?

— Если ты сейчас спросишь ещё раз, я тебя убью.

Через минуту проснулась Маргарита. Следом — Катя. Дом сразу превратился в штаб. Сумка была собрана заранее. Машина заправлена. Денис проверил документы три раза.

Таня сидела на стуле и смотрела на него.

— Ты прекрасен.

— Почему?

— Потому что абсолютно полезен.

— Я всё подготовил.

— Именно поэтому.

Она улыбнулась.

Потом резко вдохнула.

Маргарита подошла.

— Всё. Едем.

Больница была в районном центре. Дорога заняла сорок минут. Ни одного блокпоста. Ни одного взрыва. Ни одной сирены. Только тёмная трасса. Пустая. Мокрая после ночного дождя. Таня сидела рядом. Катя с Маргаритой сзади.

И в какой-то момент Денис поймал себя на ощущении: они едут рожать ребёнка в мире, который ещё недавно был почти разрушен. А теперь этот же мир открывал перед ними дорогу.

Дочь родилась утром — три килограмма четыреста граммов, громкая, сердитая и невероятно живая.

Когда Денис впервые увидел её, никакого ожидаемого озарения не случилось. Было другое — потрясение: вот человек, которого ещё вчера не существовало.

Таня лежала измученная, но улыбалась.

— Ну?

— Я не знаю, что сказать.

— Наконец-то.

Она рассмеялась. И тут же расплакалась.

Некоторое время они молчали. Таня перевела взгляд на дочь.

— Марина.

— Что? — не понял Денис.

— Её будут звать Марина.

* * *

Через несколько дней никто уже не называл её Мариной. Для домашних она стала Маринкой. Первую ночь дома Маринка почти не спала. Таня держалась до трёх часов, потом заплакала вместе с дочерью — тихо, сердито, от бессилия.

— Я всё делаю не так.

— Ты три дня назад родила человека, — сказала Маргарита. — У тебя есть право не быть специалистом.

Денис ходил по комнате с ребёнком на руках и выглядел так, будто предпочёл бы ремонтировать подстанцию во время обстрела.

— Она сыта?
— Да.
— Ей жарко?
— Нет.
— Холодно?
— Денис.
— Что?
— Просто ходи.
Он ходил.
Около четырёх Катя забрала Маринку у него.
— Иди к Тане.
— А ты?
— Я попробую.

Она села в кресло у печи, прижала девочку к груди и начала рассказывать ей всё, что пришло в голову: про реку, чердак, старый велосипед, про то, что её семья немного странная и она поймёт это раньше, чем взрослые успеют придумать объяснение.

Маринка постепенно затихла.

Денис остановился в дверях. Таня смотрела из комнаты.

Катя не заметила, что за ней наблюдают. Она смотрела только на маленькую мордочку у своей груди.

Утром Маргарита нашла их обеих спящими в кресле.

Катя стала вставать к Маринке почти так же часто, как Таня и Денис. Ей хотелось помочь. К тому же девочка уже начала узнавать её голос.

И дом незаметно получил ещё одно правило, которого никто не записывал: если ребёнок плачет, идёт тот, кто услышал.

ВЕЧЕРНИЙ ВЫПУСК

Продолжается формирование временных администраций.
Обсуждаются гарантии безопасности и порядок возвращения граждан.
Восстановительные миссии направлены в наиболее пострадавшие города.
Сроки полного восстановления инфраструктуры остаются неопределёнными.

Самолёты снова начали летать регулярно.

Границы частично открыли.

На дорогах стало больше машин.

В магазинах — больше еды.

В города возвращалось отопление.

Временные правительства спорили между собой уже не о выживании, а о выборах, собственности, полномочиях и будущем устройстве стран.

Мир возвращался к обычной человеческой сложности. Дом привыкал к новой жизни — уже не военной, а повседневной.

К концу первой недели после родов перестали различать день и ночь по часам. Время измерялось тем, когда Маринка уснула, кто успел поесть и у кого осталась свободная рука.

А за калиткой мир продолжал двигаться: снова ходил рейсовый автобус, в районном центре открыли ещё один аптечный пункт, а самолёты над деревней перестали быть событием, ради которого все выходят во двор.

Маринка ничего этого не знала. Она требовала только тепла, еды и человека рядом. А взрослые всё чаще прислушивались не к новостям, а к её дыханию.

Глава 14

Глава 14. После рождения

Первые недели оказались именно такими, как говорила Маргарита — бессонными, однообразными и совершенно непохожими на красивую картинку материнства.

Катя вставала к Маринке, когда слышала её первой. Училась держать бутылочку со сцеженным молоком, переодевать ребёнка в полутьме, различать несколько видов плача.

Как-то в четыре утра Маринка кричала у неё на руках уже двадцать минут.

— Я всё перепробовала, — прошептала Катя.

Таня, сонная, с растрёпанными волосами, подошла и забрала дочь.

— Добро пожаловать.

— Куда?

— Туда, где иногда просто не знаешь, что делать.

Катя села на край дивана.

— Я всё ещё хочу.

Таня посмотрела на неё поверх Маринки.

— Сейчас?

— Сейчас особенно.

— Тогда ты безнадёжна.

— Знаю.

В начале декабря Маргарита вернулась к разговору сама. За окном шёл мокрый снег, Маринка наконец уснула, и все говорили шёпотом по привычке, хотя ребёнок уже прекрасно спал под обычный шум кухни.

— Катюш.

— Что?

— Ты всё ещё хочешь?

Катя посмотрела на Маринку в соседней комнате.

— Ещё больше.

Маргарита закрыла глаза.

— Я так и знала.

— Будешь отговаривать?

— Нет.

Катя даже не сразу поняла.

— Что — нет?

— Я перестаю тебя отговаривать.

— Вот так просто?

— Ты уже шесть недель спишь урывками, умеешь менять подгузник в темноте, три раза за ночь вставала к ребёнку и всё ещё не передумала. Достаточно данных.

Катя рассмеялась.

Маргарита стала серьёзной.

— Теперь надо разобраться со здоровьем и рисками. Сдать анализы. И понять, как мы будем всё устраивать.

— То есть легче не стало.

— Конечно нет.

Катя подошла и обняла её.

— Спасибо.

Маргарита отвела взгляд.

— Просто если мы строим какую-то абсолютно невозможную семью, кто-то должен следить, чтобы она не развалилась от идиотизма.

В тот же вечер Катя нашла Дениса на крыльце. Мороз ещё не взялся всерьёз, но в воздухе уже пахло зимой.

— Маргарита капитулировала.

— Тогда это исторический день.

— Денис.

— Что?

Она посмотрела Денису прямо в глаза.

— Я действительно хочу.

Он кивнул.

— Я понял.

— И?

— Я тоже больше не хочу делать вид, что не понял.

Катя молчала.

— Но я хочу, чтобы это было не тайной и не отдельной историей между нами.

— Я тоже.

— Чтобы Таня знала.

— Она знает.

— Чтобы Ритка знала.

— Она знает вообще всё.

Денис усмехнулся.

— Это правда.

Катя слегка улыбнулась.

— И чтобы потом никто не говорил: «мы не думали».

Денис посмотрел на неё.

— Вот это самое важное.

— Я знаю.

— Тогда не будем спешить. Но и прятаться не будем.

— Договорились.

Катя не могла назвать точный момент, когда поняла, что влюбилась в Дениса. Решение о ребёнке появилось раньше, чем она это осознала.

Само чувство, вероятно, росло давно — из привычки, благодарности, общей жизни и той близости, которая возникла между всеми четырьмя в доме.

Однажды утром она увидела Дениса во дворе.

Он стоял у колодца, ругался с насосом и пытался одновременно держать разводной ключ и фонарь. На нём была старая куртка, штаны в земле, волосы торчали в разные стороны.

Ничего романтического. Ничего героического. И тут Катя поняла всё. Она знала, какой он сильный и надёжный. Помнила, как он помог всем пережить страшную зиму. Но любила не за это. Просто за то, что он есть.

За то, как он молчит. Как сердится. Как не умеет ничего делать наполовину. Как обязательно проверяет дважды воду, генератор и прогноз погоды. Как ночью встаёт к ребёнку раньше Тани, хотя потом весь день ворчит, что не выспался.

Как порой бывает невыносим. И как никогда не бросает человека, если тот уже оказался внутри его круга.

Она стояла у окна и смотрела. Денис наконец победил насос. Выпрямился. Увидел её.

Поднял кружку с остывшим кофе.

— Кофе будешь?

Катя улыбнулась.

— Буду.

Тогда-то её и накрыло, насколько глубоко всё зашло.

Сначала ничего не изменилось. Это было почти смешно. Любовь жила внутри неё. Огромная, тяжёлая, совершенно очевидная — а снаружи всё продолжалось как обычно. Таня кормила Маринку. Маргарита спорила с врачами по телефону.

Денис занимался хозяйством. Катя варила суп. Но она теперь видела Дениса иначе. Теперь каждая мелочь имела значение. Как он входил в комнату. Смеялся. Садился рядом. Мог совершенно буднично попросить:

— Кэт, подай отвёртку.

И эти простые слова действовали сильнее любых признаний.

Таня заметила перемену почти сразу.

— Ты влипла.

Катя повернулась.

— Во что?

— В него.

Катя молчала.

Таня улыбнулась.

— По уши.

— Заткнись.

— Значит, угадала.

Катя вдруг засмеялась.

Потом села рядом.

— Да.

Таня перестала улыбаться насмешливо.

— Сильно?

— Очень.

— Плохо?

Катя подумала.

— Нет.

— Страшно?

— Тоже нет.

— Тогда хорошо.

Катя посмотрела на неё.

— Ты удивительный человек.

— Почему?

— Потому что должна меня ненавидеть.

Таня пожала плечами.

— Почему должна?

— Я люблю мужчину, от которого у тебя ребёнок.

— И?

— Тань.

— Что?

— Это вообще-то обычно считается проблемой.

Таня посмотрела на дочь, спавшую рядом.

Потом на Катю.

— У нас вообще мало что обычно.

Маргарита отнеслась к признанию куда практичнее.

Когда Катя сказала ей, та минуту смотрела молча.

Потом спросила:

— Ты понимаешь, что любовь не делает идею ребёнка автоматически разумной?

Катя рассмеялась.

— Господи, Ритка.

— Что?

— Я тебе говорю, что влюблена.

— Я услышала.

— А ты сразу про риски.

— Кто-то должен.

— Ты неисправима.

— Именно поэтому вы все ещё живы.

Катя подошла и обняла её.

Маргарита замерла.

Потом тоже обняла.

— Дура.

— Знаю.

— По уши?

— Да.

— Совсем плохо.

— Совсем хорошо.

К этому времени внешний мир тоже сменил вектор. Ещё недавно новости показывали только на одно: где опасно. Теперь начали спрашивать другое — почему всё оказалось настолько хрупким.

Открывали архивы резервов, проверяли восстановительные бюджеты, публиковали документы о пустых складах и оборудовании, существовавшем только в отчётности. В одном из первых выпусков прозвучало, что часть больниц годами получала снабжение лишь на бумаге.

То, о чём раньше только ходили слухи, теперь подтверждали отчёты, фотографии складов, банковские выписки и свидетельства людей.

Маргарита выключила звук.

— Вот бы такую проверку провели и в нашей районной больнице.

— Зачем? — спросила Таня, качая Маринку.

— Потому что мы сами знаем, зачем больнице исправный аппарат УЗИ. На нём мы Маринку ещё до рождения смотрели.

* * *

Дом продолжал жить кормлениями, дровами и стиркой, но мир больше не был только угрозой снаружи: он становился системой, которую люди разбирали по деталям.

Глава 15

Глава 15. Цена свободы

К январю начались публичные процессы. Их смотрели почти как спортивные трансляции: чиновники, военные, подрядчики, руководители компаний спорили о приказах, документах и деньгах, которых недосчитались.

Однажды вечером Катя сказала:

— Мне кажется, все сейчас ищут одного человека, которого можно обвинить во всём.

Денис кивнул.

— Так проще.

— А правда?

— В таких делах ответственность редко лежит на одном человеке.

— Между тысячами?

— Иногда между миллионами.

Таня качала Маринку.

— Очень утешительно.

— Я не пытаюсь утешать.

— Знаю. Это твоё главное достоинство.

В начале января Катя решилась. Они с Денисом сидели на кухне после ужина. За окном темнел снег, Маринка спала в соседней комнате.

— Я готова.

Денис понял сразу.

— Уверена?

— Да.

— Не потому, что Таня родила?

— Нет.

— Не потому, что боишься, что всё изменится?

— Нет.

— Не потому что…

Катя рассмеялась.

— Ты теперь вместо Маргариты?

— Я стараюсь.

— Плохо получается.

— Тогда скажи сама.

Она посмотрела ему прямо в глаза.

— Потому что люблю тебя.

Денис замолчал.

Катя продолжила:

— И потому что хочу ребёнка.

— От меня.

— От тебя.

— И понимаешь всё, что это значит?

— Нет.

Он удивился.

Она улыбнулась.

— Никто не понимает всё, что значит появление ребёнка.

— Хороший ответ.

— Научилась.

Таня узнала в тот же день. Катя сама сказала. Они сидели на крыльце. Маринка спала в коляске. Таня слушала спокойно. Потом спросила:

— Ты его любишь?

— Да.

— Очень?

— Да.

Таня посмотрела в сад.

— Тогда мне надо честно понять, что я сама чувствую.

Таня сказала это спокойно, но ночью долго не могла уснуть.

Денис почувствовал, что она не спит.

— Что?

— Ничего.

— Это моё слово.

— Сегодня одолжила.

Он повернулся к ней.

— Ты против?

Таня молчала так долго, что ответ стал понятен ещё до слов.

— Я ревную.

— Я знаю.

— Нет, не знаешь. Я сама только сейчас поняла, как именно.

Она села, подтянула колени.

— Я не боюсь, что ты уйдёшь к Кате. Это было бы слишком просто. Я боюсь, что однажды у нас станет столько любви, обязанностей и детей, что я перестану понимать, где в этом всём мы с тобой.

Денис сел рядом.

— И что делать?

— Вот опять. Сразу «что делать».

— А что надо спросить?

Таня посмотрела на него.

— — Спроси, больно ли мне?

— Тебе больно?

— Немного.

Он взял её за руку.

— Мне жаль.

— Не надо жалеть. Просто не делай вид, что свобода ничего не стоит.

Эта фраза осталась между ними надолго.

На следующий день Таня сама подошла к Кате. Не с разрешением и не с благословением. С условием.

— Если мы это делаем, мы говорим правду. Даже некрасивую.

Катя кивнула.

— Договорились.

— И если я однажды скажу, что ревную, ты не будешь делать из меня плохого человека.

— Не буду.

— И я из тебя тоже.

Катя протянула руку.

— Теперь договорились.

Таня посмотрела на руку, потом обняла её вместо рукопожатия.

— Ты могла бы быть против.

— Могла бы.

— И?

Она помолчала.

— Я не против.

Катя взяла её за руку.

— Спасибо.

Таня усмехнулась.

— Рано благодаришь. Когда начнёшь рыдать из-за того, что тебя тошнит от запаха картошки, я буду смеяться.

— Ты ужасный человек.

— Я знаю.

Маргарита сопротивлялась до последнего.

Не эмоционально.

Организационно.

— Анализы.

— Сделала.

— Врач.

— Была.

— Фолиевая кислота.

— Пью.

— Хронические заболевания?

— Нет.

— Генетика?

— Марго.

— Что?

— Всё проверено.

Маргарита посмотрела на неё подозрительно.

— Слишком подготовлена.

— Я знала, что ты спросишь.

— Хорошо.

— Это всё?

Маргарита тяжело вздохнула.

— Нет.

— Что ещё?

Она подошла и неожиданно обняла Катю.

— Всё получится.

Катя замерла.

Потом рассмеялась.

— Это ты сейчас сказала?

— Никому не рассказывай.

Глава 16

Глава 16. Получилось

Беременность пока не наступала. Прошёл первый месяц. За ним второй. С началом третьего Катя всё чаще думала: а вдруг не получится?

Таня узнала это раньше всех.

— Иди сюда.

— Что?

— Иди.

Обняла её.

Катя положила голову ей на плечо.

— А если нет?

— Тогда нет.

— Тебе легко говорить.

— Нет.

Таня погладила её по волосам.

— Просто я теперь знаю, что жизнь не обязана выполнять наши планы по расписанию.

— Я хочу.

— Знаю.

— Очень.

— Знаю.

— И это бесит.

— Тоже знаю.

За эти месяцы поездки в районный центр снова стали почти обычным делом. Анализы можно было сдать по записи, автобус ходил по расписанию, а на дороге наконец починили тот участок, который осенью объезжали по обочине.

В международных новостях спорили о гарантиях безопасности, возвращении переселенцев и сроках восстановления транспортных связей. Неопределённость никуда не делась. Но вместо тревог в новостях всё чаще говорили о датах и решениях комиссий.

Катя ненавидела эту нормальность потому, что она ничего ей не гарантировала. Мир вокруг понемногу снова подчинялся расписанию, а её собственное тело — нет.

— Несправедливо, — сказала она однажды Тане.

— Что именно?

— Автобус теперь приходит вовремя.

Таня посмотрела на неё и расхохоталась.

* * *

В начале марта Катя вышла из ванной. В руках был тест. Она ничего не сказала. Просто стояла. Маргарита первой увидела.

— Что?

Катя протянула тест. Таня подошла. Денис появился из кухни. Несколько секунд все смотрели. Две полоски. Маргарита закрыла лицо руками.

— Господи.

Таня рассмеялась. Катя тоже. Потом заплакала. Денис подошёл. Она буквально вцепилась в него. Так сильно, будто боялась, что всё исчезнет, если отпустить.

— Получилось, — сказала она ему в плечо.

— Да.

— Получилось.

— Да.

— Я беременна.

— Я вижу.

Она отстранилась.

— Не смей сейчас быть спокойным!

И ударила его ладонью в грудь.

Денис рассмеялся.

Обнял снова.

— Я не спокойный.

— Не видно.

— Внутри катастрофа.

— Вот это другое дело.

Таня стояла рядом. Смотрела на них. И странным образом не чувствовала той боли, которой когда-то боялась. Ревность была. Тонкая. Неприятная. Человеческая. Но рядом существовало что-то сильнее. Любовь к Кате. Нежность к новой жизни, о которой они только что узнали.

Любовь к этому странному дому. И понимание, что новое не обязательно отнимает прежнее. Ревность оставалась — но больше не звучала как сигнал потери. Она подошла. Обняла Катю сзади.

— Поздравляю, идиотка.

Катя смеялась сквозь слёзы.

— Спасибо, сука.

Маргарита покачала головой.

— Прекрасная семейная культура.

Беременность Кати снова преобразовала дом.

Теперь Таня превратилась из объекта бесконечной заботы в опытного наставника. — Не читай интернет.

— Почему?

— Через пятнадцать минут обнаружишь у себя двадцать заболеваний.

— А если…

— Нет.

— Ты сама читала.

— Именно поэтому советую.

Маргарита, конечно, читала всё.

Но теперь делала это молча.

Денис завёл вторую тетрадь.

На первой странице написал:

Катя. Беременность.

Таня заглянула.

— А где автономность?

Денис посмотрел на неё.

— Она теперь общая.

Таня засмеялась.

Катя была счастлива. Просыпалась ночью и клала руку на живот, хотя там ещё ничего невозможно было почувствовать. Просто лежала. Рядом спал Денис. Иногда Таня.

Иногда они все засыпали в разных местах, а утром оказывались почти одной кучей в большой комнате возле печи. И это перестало удивлять. Жизнь сама нашла форму. Не прописанную. Не утверждённую. Не объяснённую. Просто работающую.

Глава 17

Глава 17. Остаться

К лету разоблачения перестали быть отдельными сенсациями и превратились в постоянный фон. По вечерам, пока Маринка ползала по полу между стульями, на экране появлялись всё новые документы: исчезнувшие стратегические резервы топлива, оборудование, существовавшее только на бумаге, карты загрязнённых рек. И леса, годами вырубавшиеся в невообразимом масштабе. Маргарита ставила передачу на паузу и искала знакомые названия районов. Катя смотрела на спутниковые снимки. Денис — на схемы контрактов и цепочки ответственности. Таня первой отметила момент, когда все начали привыкать к очередному разоблачению.

— Вот этого нельзя допустить, — сказала однажды Маргарита.

— Чего? — спросила Катя.

— Чтобы это снова стало обычным.

На экране шёл очередной репортаж.

Денис сидел возле окна.

— Станет.

Маргарита посмотрела резко.

— Почему?

— Человек адаптируется.

— Значит, ничего не изменить?

— Я этого не сказал.

— А что?

Денис повернулся.

— Нельзя рассчитывать, что общество навсегда удержит моральное возмущение.

— Тогда на что?

— На системы, в которых воровать трудно.

Таня сказала:

— А если систему снова украдут?

Денис улыбнулся.

— Тогда строить следующую.

— Очень оптимистично.

— Очень реалистично.

Катя положила руку на живот.

— А я думаю о другом.

— О чём?

Она посмотрела на маленькую Маринку, которая уже пыталась вставать, держась за край дивана.

— Они будут жить уже после всего этого.

— Кто?

— Наши дети.

Таня посмотрела на неё.

Катя продолжила:

— Для нас война останется разделительной линией. До и после.

А для них — историей взрослых.

Как для нас рассказы наших родителей.

Маргарита задумалась.

— Возможно.

— И от нас зависит, что именно мы им расскажем.

Денис спросил:

— Правду?

— Не только.

— А что ещё?

Катя улыбнулась.

— Что мы сделали после.

К осени живот Кати уже заметно округлился. В деревне, конечно, заговорили — сперва шёпотом, потом открыто. Кто отец? Почему они все живут вместе? Почему Таня совершенно спокойно ходит рядом?

Почему Денис идёт по улице между двумя женщинами — Таней с ребёнком и беременной Катей — и выглядит так, будто это вообще нормальный порядок вещей?

Однажды соседка спросила Таню напрямую:

— Это что у вас там происходит?

Таня посмотрела на неё.

— Жизнь.

— В каком смысле?

— В прямом.

И ушла.

Дома рассказала.

Все ржали минут пять.

Но для Кати никакой смешной странности уже не существовало.

Любовь к Денису давно перестала быть открытием и вошла в обычную ткань дня: он был рядом, внутри неё росла новая жизнь, Таня стала почти сестрой, а Маргарита — человеком, которому она доверяла больше, чем кому-либо ещё.

Иногда Катя просыпалась ранним утром, смотрела на всех вокруг и не понимала, каким образом путь через войну, холод, страх и разрушение привёл сюда.

Но ей больше не требовалось объяснение.

Денис всё чаще выключал экран.

— Не хочешь знать?

— Хочу.

— Тогда почему?

Он посмотрел на Маринку, которая строила что-то из палок возле крыльца.

— Потому что знать мало.

Маргарита кивнула.

— А что надо?

— Делать.

— Что именно?

Денис махнул в сторону деревни.

— Хотя бы здесь.

Так появилась идея леса.

Небольшого.

Сначала просто посадить деревья вокруг деревни.

Потом вдоль реки.

Потом восстановить старую лесополосу, которую давно вырубили.

Собрались соседи. Принесли саженцы и лопаты, помогли техникой.

Маринку тоже взяли с собой. Ей дали маленькое ведро. Она высыпала из него горсть земли себе на ботинок и рассмеялась.

— Я сажаю лес.

— Да, — ответила Таня.

— Большой?

— Когда-нибудь.

Маринка посмотрела на тонкий саженец.

— Он маленький.

Денис сказал:

— Пока.

— А потом?

— Потом будет больше тебя.

— А потом больше дома?

— Возможно.

Она задумалась.

— А потом я буду старая?

Все рассмеялись.

Таня присела рядом.

— Когда он станет очень большим — ты будешь взрослая.

— Как ты?

Таня усмехнулась.

— Надеюсь, умнее.

Как-то вечером они пришли к реке. Уже впятером. И с новой искрой жизни внутри Кати. Маринка сидела у Дениса на плечах и хватала его за волосы.

— Ай!

Таня смеялась.

— Правильно. Держись крепче.

— Это домашнее насилие.

— Терпи.

Маргарита шла рядом с Катей.

— Как себя чувствуешь?

— Хорошо.

— Точно?

— Марга.

— Всё, молчу.

Катя посмотрела на Дениса впереди.

И улыбнулась.

Таня заметила.

— По-прежнему?

— Что?

— По уши.

Катя кивнула.

— Ещё хуже.

— Сочувствую.

— Не надо.

В новостях не прекращали говорить о громких процессах, о возвращённых государственных деньгах, о генералах и министрах под следствием, о восстановлении лесов, об экологических комиссиях, о новых законах.

Всё это происходило там.

В огромном мире.

В мире, который снова пытался придумать, каким ему быть.

А здесь текла река.

Ребёнок смеялся у Дениса на плечах.

Катя была беременна.

Таня шла рядом.

Маргарита ворчала, что к вечеру похолодает.

И когда Катя посмотрела на них, ей стало ясно: когда-то она думала прежде всего о том, что хочет стать матерью.

Теперь внутри неё зрела новая жизнь, но этим её жизнь не исчерпывалась.

У неё было место, из которого не хотелось уходить.

И люди, рядом с которыми не требовалось всё время доказывать собственную реальность.

Когда они вернулись домой, Денис снял Маринку с плеч, поставил на пол и вдруг заметил на вешалке в прихожей сумку. Ту самую, с которой он приехал в сентябре 2026-го. Почти два года её никто не убирал далеко — словно она напоминала, что в любой момент снова может понадобиться.

— Надо бы разобрать.

Таня посмотрела туда же.

— А что там?

— Не помню.

Катя открыла молнию. Внутри лежали запасная футболка, старый пауэрбанк, документы в пластиковом файле и почти пустая аптечка.

— Великий эвакуационный набор, — сказала она.

Маргарита взяла сумку и поставила её на верхнюю полку шкафа.

— Всё. Хватит жить у выхода.

Денис хотел возразить. Потом посмотрел на Таню, на Катю, на Маринку, на Маргариту.

— Ладно.

— Что «ладно»? — спросила Таня.

Он улыбнулся.

— Похоже, я остаюсь.

Катя положила ладонь на живот.

— Поздновато заметил.

За окном по дороге прогрохотала машина. Обычная. Без канистр на крыше, без спешки. В вышине пролетел пассажирский самолёт.

Теперь можно было уехать.

И поэтому то, что они оставались, наконец стало выбором.

Глава 18

Глава 18. Две девочки

Сумку из прихожей убрали, а через две недели там появилась другая. Эту собирала Маргарита.

Катя три раза её разбирала.

— Зачем четыре пелёнки?

— Потому что четыре.

— Очень убедительно.

— Катя, не трогай.

— Я просто спрашиваю.

— Ты не спрашиваешь. Ты вынимаешь.

Катя держала в руке сложенную пелёнку и смотрела на Маргариту.

— Я не собираюсь переезжать в роддом.

— Я тоже на это надеюсь.

— Тогда зачем половина шкафа?

Маргарита молча забрала пелёнку и вернула в сумку.

Таня с Маринкой собирали на полу деревянную пирамидку. Маринка снимала кольца быстрее, чем Таня успевала надевать.

— Не вмешивайся, — сказала Катя.

— Я молчу.

— Ты улыбаешься.

— Это пока не запрещено.

Денис вошёл с улицы, положил возле печи охапку дров и сразу увидел открытую сумку.

— Уже?

Катя повернулась.

— Ещё один.

— Что?

— Ещё один человек, который смотрит на меня и думает «уже».

— Я про сумку.

— Конечно.

* * *

К концу октября Катю больше раздражали чужие замечания, чем тяжесть живота. У магазина тётя Валя каждый раз сообщала, что живот «опустился». Соседка через два дома утверждала, что по походке осталось дня три. В районной аптеке женщина, которую Катя видела второй раз в жизни, уверенно сказала: «Мальчик, сразу видно».

Катя не стала спорить.

Она вообще всё меньше хотела что-либо объяснять. Дома беременность была просто частью быта. Катя спала с подушкой под боком, медленнее поднималась по лестнице, по вечерам просила растереть поясницу. Денис больше не спрашивал каждые двадцать минут, как она себя чувствует. После нескольких месяцев воспитательной работы он научился задавать другой вопрос:

— Тебе что-нибудь нужно?

Иногда ответ был «да».

Иногда «нет».

Иногда Катя отвечала:

— Чтобы никто со мной не разговаривал минут десять.

В то утро ей ничего не было нужно. Она собиралась пройти до магазина, потом помочь Тане с яблоками. Ночью подморозило, трава побелела. А когда утром солнце поднялось достаточно высоко, с крыши начало капать.

Катя никак не могла завязать ботинок.

Живот мешал наклониться.

Она попробовала сбоку. Потом поставила ногу на низкую лавку.

— Дай, — сказал Денис.

— Не надо.

Он стоял рядом.

Катя ещё раз потянулась к шнурку.

— Ладно. Только без лица.

— Какого?

— Заботливого.

— У меня обычное.

— Вот это и страшно.

Он присел и завязал сначала один ботинок, потом второй.

Маринка, державшаяся за край лавки, внимательно наблюдала. Когда Денис закончил, она отпустила опору и сделала два шага к нему.

На третьем плюхнулась на попу.

Не заплакала. Посмотрела на пол с явным недовольством.

— Три, — сказал Денис.

— Два, — сказала Таня из комнаты.

— Третий был.

— Третий был падением.

— Это вопрос определения.

Маринка подняла голову.

— Та.

— Вот, — сказал Денис. — Она согласна со мной.

Катя рассмеялась.

В дверях кухни появилась Маргарита.

На ней уже была куртка.

Катя сразу перестала смеяться.

— Нет.

— Я ещё ничего не сказала.

— У тебя медицинская куртка.

— Это моя единственная куртка.

— Всё равно нет.

Маргарита подошла ближе.

— Сегодня в районе работает УЗИ.

— И?

— И я договорилась.

— С кем?

— С врачом.

— За моей спиной?

— У тебя очень широкая спина сейчас. За ней удобно договариваться.

Катя посмотрела на неё.

Маргарита не улыбнулась.

— Что тебе не нравится?

— Ничего, что я могу назвать проблемой.

— Тогда зачем?

— Потому что живот больше, чем я ожидала. И я не уверена, как лежит ребёнок.

— Ты вчера сказала, что всё нормально.

— Вчера всё было нормально.

— А сегодня?

— Сегодня я хочу посмотреть.

Таня отложила пирамидку. Сидела рядом с Маринкой и слушала.

Катя заметила.

— Ты тоже?

— Я ничего не знаю.

— Очень полезно.

— Зато честно.

Катя посмотрела на Дениса.

Он не сказал ни слова.

— А ты?

— Поехал бы.

— Конечно.

— Кать.

— Что?

— Если там ничего нет, вернёмся домой.

— А если есть?

Он немного помолчал.

— Тогда хорошо, что узнаем.

Катя отвернулась к окну.

На стекле снаружи таял иней. По двору ходила соседская курица, которая всегда находила дыру в заборе.

Обычное утро.

Катя смотрела на двор и никак не могла понять, зачем из этого утра куда-то уезжать.

— Во сколько? — спросила она.

Маргарита сразу ответила:

— Через час.

— Ты всё-таки была уверена, что я соглашусь.

— Нет. Я была уверена, что час понадобится на спор.

Таня засмеялась.

Катя показала Маргарите средний палец.

Маринка увидела жест и тоже подняла руку.

— Прекрасно, — сказала Таня. — Ещё один навык.

* * *

В район ехали втроём. Таня осталась с Маринкой.

Дорога была сухой только на солнце. В лесу местами блестел лёд, и Денис сбрасывал скорость перед каждым поворотом.

Катя некоторое время терпела.

Потом сказала:

— Если мы будем ехать так, ребёнок родится взрослым.

— Скользко.

— Я вижу.

— Тогда зачем?

— Мне надо на кого-то злиться.

— Хорошо.

Он не прибавил скорость.

Маргарита сидела сзади и смотрела в телефон.

Катя поймала её взгляд в зеркале.

— Что читаешь?

— Ничего.

— Марга.

— Расписание отделения.

— Зачем?

— Потому что оно существует.

— Ты издеваешься.

— Немного.

У въезда в районный центр бесконечно ремонтировали дорогу. Полосу перекрыли, машины пропускали по очереди. Рабочий в оранжевой куртке лениво поднял знак, и Денис проехал мимо экскаватора, который ковырял старый асфальт.

Ещё два года назад любая задержка на дороге заставила бы его считать запас топлива и время до темноты. Теперь он просто выругался на яму.

Катя это заметила.

— Смотри-ка.

— Что?

— Ты ругаешься на дорожников как нормальный человек.

— Я всегда был нормальным человеком.

С заднего сиденья Маргарита сказала:

— Нет.

Катя засмеялась.

* * *

В больнице пахло краской и хлоркой. На первом этаже ещё доделывали потолок, возле регистратуры стояла стремянка, обтянутая красной лентой. Люди обходили её привычно, никто не возмущался.

Перед кабинетом сидели четыре женщины. У одной рядом с ногами стояла сумка с яблоками. Другая держала за руку девочку лет пяти и пыталась отвечать на бесконечные «почему».

Катя села.

Минут через десять сказала:

— Ты сказала, договорилась.

— Договорилась, что сегодня посмотрят.

— Это не одно и то же.

— Я знаю.

— Прекрасно.

Денис стоял у окна.

Катя посмотрела на него.

— Сядь.

— Мне нормально.

— Мне от тебя нервно.

Он сел.

Через полчаса дверь открылась.

— Катерина?

Врач был незнакомый. Лет пятидесяти, сухой, с уставшим лицом. Он просмотрел карту, спросил срок, движения ребёнка.

— Жалобы?

Катя кивнула на Маргариту.

— У неё.

Врач поднял глаза.

Маргарита сказала:

— Размер больше ожидаемого. И положение не совсем понятно при осмотре.

— Вы врач?

— Да.

— А специальность?

— Терапевт.

Он кивнул и больше к ней не обращался.

Гель был холодным.

— Простите, — сказал врач.

— Все так говорят.

Он улыбнулся и начал смотреть.

Катя никогда толком не понимала, что видит на этих серых экранах врач. Весной ей показывали маленькое светлое пятно, потом быстрое мерцание и сказали, что это сердце. Она поверила.

Перед её глазами промелькнули отдельные части. Круг. Линия позвоночника. Что-то похожее на ладонь.

— Голова здесь, — сказал врач.

Маргарита подошла ближе.

Он передвинул датчик.

Остановился.

Вернулся обратно.

Снова повёл в другую сторону.

Катя смотрела на его лицо.

— Что?

— Сейчас.

— Ненавижу это слово.

Врач не ответил.

Маргарита подошла совсем близко.

— Не мешайте, пожалуйста.

Она отступила.

Катя почувствовала, как внутри медленно поднимается холод.

— Что там?

Врач снова посмотрел на экран, нажал несколько кнопок.

Потом спросил:

— Предыдущее исследование у вас есть?

Маргарита достала бумаги.

Он нашёл весенний протокол.

— Двенадцать недель?

— Да, — сказала Катя.

— Больше УЗИ не было?

— Нормального аппарата не было.

Он ничего не сказал.

Снова взял датчик.

— Вы можете говорить со мной? — спросила Катя.

Врач посмотрел на неё.

— Могу.

— Тогда говорите.

Он чуть повернул экран.

— У вас два ребёнка.

Катя не поняла.

— Что?

— Двойня.

Денис вскочил.

Маргарита рухнула на свободный стул.

Катя смотрела на врача.

— Нет.

— Да.

— Вы ошиблись.

— Нет.

Врач снова показал экран.

— Вот один плод. Здесь голова, спина. Второй расположен выше и немного поперёк. Вот вторая голова.

Катя смотрела.

Два одинаково бессмысленных для неё серых круга.

— Сердца?

— Сейчас.

Он включил звук.

Быстрый ритм заполнил кабинет.

Потом передвинул датчик.

Другой.

Почти такой же.

Но отдельный.

Катя закрыла глаза.

— Два.

— Два.

Денис подошёл и положил руку ей на плечо.

Она накрыла её своей.

— Они живы?

— Да.

— Оба?

— Да.

— Нормальные?

Врач не ответил сразу.

— Я сейчас измеряю. Один заметно меньше. Это требует внимания, но пока я не вижу оснований говорить о проблеме. Сердцебиение у обоих хорошее.

— Один?

— Один ребёнок меньше второго.

Катя выдохнула.

— Кто они?

— В смысле?

— Мальчики? Девочки?

Врач посмотрел ещё раз.

— Две девочки.

Денис сел обратно.

— Две, — повторила Катя.

И вдруг рассмеялась.

Ей было совсем не смешно.

Просто тело выбрало это вместо слёз.

— Две девочки, — сказала она. — Отлично.

Маргарита подняла голову.

— Кать.

— Что?

— Ничего.

Катя посмотрела на неё.

Маргарита была белая.

— Не начинай.

— Я это пропустила.

— Потом.

— Я тебя наблюдала.

— Марга.

— Я должна была...

— Потом.

На этот раз голос у Кати вышел жёстким.

Маргарита замолчала.

Врач продолжил исследование. Объяснял ровно столько, сколько было нужно. Положение второй девочки ему не нравилось. У меньшей требовалось проверить кровоток. Срок большой. Домой сегодня, вероятно, можно, но дальше уже без самодеятельности: быть рядом с больницей, следить за движениями, приехать сразу, если что-то изменится.

Катя задавала вопросы сама.

Не позволяла Маргарите перехватывать разговор, а Денису превращать ответы в список.

Под конец врач спросил:

— Вы всё поняли?

Катя подумала.

— Нет.

Он кивнул.

— Что повторить?

— Всё про вторую. Только без медицинских сокращений.

Он повторил.

На этот раз она поняла больше.

Когда всё закончилось, Катя села и долго вытирала живот бумажной салфеткой.

Две.

Слово никак не помещалось.

Она положила ладонь слева.

Под рукой толкнуло.

Потом справа.

До этой минуты все движения принадлежали одному ребёнку. Теперь прошлые месяцы вдруг распались на двоих.

— Вот же вы, — сказала она тихо.

Денис услышал.

Ничего не сказал.

В коридоре Маргарита попыталась говорить.

Катя остановила её.

— Не сейчас.

— Я только...

— Марга. Не сейчас.

Маргарита кивнула.

Они сидели ещё почти час, пока сделали дополнительную проверку и поговорили с акушеркой. Катя устала. Хотела домой. Хотела есть. Хотела пять минут побыть одна, но рядом всё время кто-то был.

Когда наконец вышли на улицу, уже начинало темнеть.

Катя не села в машину сразу.

Стояла возле открытой двери.

Холодный воздух был приятным.

Денис ждал с другой стороны.

Маргарита держала папку обеими руками.

— Теперь можешь, — сказала Катя.

— Что?

— Страдать.

Маргарита посмотрела на неё.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

— Это не смешно.

— Я знаю.

Маргарита отвела взгляд.

— Как можно было не увидеть?

— Не знаю.

— На двенадцатой неделе...

— Не знаю.

— Я должна была потом настоять.

— Возможно.

Катя продолжила:

— И я должна была соглашаться на всё, что ты предлагала. И Денис должен был найти работающий аппарат в другом районе. И врач весной должен был смотреть лучше. Хочешь, мы сейчас за десять минут найдём ещё человек пятнадцать, которые что-то должны были?

Маргарита молчала.

— Мне страшно, — сказала Катя. — Очень. Но мне сейчас не поможет, если ты развалишься из-за того, что уже не изменить.

Маргарита сжала папку сильнее.

— Я не развалюсь.

— Вот и хорошо.

— Но я всё проверю.

— Это я даже не пытаюсь запретить.

Денис тихо сказал:

— Можно ехать?

Обе посмотрели на него.

— Что? — спросил он. — Я замёрз.

Катя впервые за последний час улыбнулась нормально.

— Поехали.

Домой ехали молча.

Денис два раза начинал фразу со слов «надо будет» и оба раза останавливался.

После второго Катя сказала:

— Спасибо.

— За что?

— Что не заканчиваешь.

— Я пытаюсь.

— Вижу.

Таня ждала на кухне.

Маринка спала у неё на руках. На столе стояла кастрюля, рядом хлеб и миска с нарезанными яблоками.

Таня посмотрела на лица и спросила:

— Что?

Катя сняла куртку.

Села.

— Там две девочки.

Таня нахмурилась.

— Где?

Катя показала на живот.

Таня смотрела на неё несколько секунд.

— Нет.

— Да.

— Двойня?

— Двойня.

Маринка шевельнулась от их голосов.

— Обе нормальные?

— Вроде да. Одна меньше. Вторая лежит не очень удобно. Надо теперь часто смотреть.

— А ты?

— Я тоже лежу не очень удобно.

Таня не улыбнулась.

— Кать.

Катя посмотрела на неё.

— Боюсь.

Таня кивнула.

— Я тоже.

Маринка проснулась. Сначала недовольно моргала, потом увидела Катю и сразу потянулась к ней.

— Ма.

Таня отдала её без слов.

Катя устроила девочку сбоку. Маринка положила ладонь на живот, как делала много раз.

Под ладонью толкнуло.

Она отдёрнула руку.

Посмотрела на Катю.

Положила снова.

Ещё одно движение.

— Там две, — сказала Катя.

Маринка не поняла.

— Две сестры.

Катя показала два пальца.

Маринка взяла оба в свою ладонь.

Потом увидела яблоко на столе.

— Дай.

— Вот и поговорили, — сказал Денис.

* * *

После еды заговорили о том, что делать дальше.

До роддома ночью — сорок минут, если дорога сухая.

Кто остаётся с Маринкой.

Кто едет.

Что делать, если схватки начнутся быстро.

Нужна ли вторая кроватка сразу.

На слове «кроватка» Катя подняла руку.

— Всё.

Денис замолчал.

— Я знала, что ты дойдёшь до мебели.

— Это объективно.

— Не сегодня.

— Хорошо.

Через минуту он спросил:

— А коляска?

Катя бросила в него салфеткой.

Таня засмеялась.

Маргарита тоже. Впервые за вечер.

* * *

Ночью Катя долго не засыпала.

Денис лежал рядом. По дыханию было ясно, что тоже не спит.

В соседней комнате один раз захныкала Маринка. Через несколько секунд послышались шаги Тани, потом всё стихло.

Катя лежала на боку и заново знакомилась со своим телом.

Раньше она пыталась угадывать, где спина, где пятка, где локоть. Иногда возмущалась вслух:

— Убери ногу.

И ребёнок, конечно, ничего не убирал.

Теперь под правой ладонью медленно повернулось одно тело.

Под левой через несколько секунд толкнуло другое.

Катя взяла руку Дениса и положила справа.

Он замер.

Под ладонью движение повторилось.

— Это кто? — шёпотом спросил он.

— Не знаю.

— А вторая?

— Тоже не знаю.

Он тихо рассмеялся.

— Отличная система.

— Не начинай.

Они лежали в темноте, держа руки на животе.

Катя сказала:

— Нам нужны два имени.

— Да.

— Всё, теперь точно не усну.

На следующий день имена не придумали.

И через день тоже.

Денис завёл список. Катя нашла его на столе и сразу вычеркнула половину.

— Почему?

— Не нравятся.

— Ты даже не прочитала.

— Я знаю, что ты туда написал.

— Откуда?

— Потому что ты предсказуемый.

Таня добавила два своих варианта.

Маргарита отвергла один, потому что так звали заведующую отделением, с которой она когда-то судилась из-за списанного оборудования.

— Ребёнок не виноват, — сказала Катя.

— Я не смогу.

— Ладно.

К вечеру список превратился в набор зачёркнутых слов.

— Давайте вообще не будем, — сказала Катя. — Родятся, посмотрим.

— И как ты поймёшь? — спросил Денис.

— Не знаю.

Таня посмотрела на лист.

— Назовите Европой и Америкой.

В комнате стало тихо.

Катя подняла глаза.

— Что?

— Ничего. Просто у вас список уже похож на географический справочник. Осталось закончить.

— Европа и Америка, — повторила Катя.

Денис поморщился.

— Нет.

— Почему?

— Это не имена.

— Ещё какие.

— Кать.

— Я шучу.

— Надеюсь.

Маргарита сказала:

— Европа красивее, чем половина того, что вы написали.

Таня засмеялась.

На том и закончили.

* * *

Через два дня Катя проснулась в пять утра от ощущения, которое нельзя было спутать ни с чем.

Сначала лежала неподвижно.

Потом села.

Денис сразу открыл глаза.

— Что?

— Подожди.

— Что подождать?

— Просто молчи.

Он замолчал.

Катя считала про себя.

Потом отпустило.

— Схватка? — спросил Денис.

— Похоже.

Он уже собирался вставать.

— Лежи.

— Кать.

— Одна. Пока одна.

Через восемь минут пришла вторая.

На этот раз Катя разбудила Маргариту сама.

Та вошла через минуту, уже собранная, будто не спала вообще.

— Воды?

— Нет.

— Интервал?

Катя сказала.

Маргарита посмотрела на часы.

— Едем.

— Рано.

— С двойней — нет.

— Марга.

— Кать.

Они посмотрели друг на друга.

Катя выругалась.

Таня проснулась от голосов и пришла с Маринкой на руках. Девочка была сонная, тёплая, волосы с одной стороны прилипли к щеке.

— Уже? — спросила Таня.

Катя рассмеялась.

— Вот теперь можно.

Сумка стояла у двери.

Та самая, которую Катя трижды разбирала.

В ней снова лежали четыре пелёнки.

— Не смотри, — сказала Маргарита.

— Я ничего не сказала.

— Я слышу.

Денис взял ключи.

Таня подошла к Кате.

— Я остаюсь с Маринкой. Если понадобится — Светку позову и приеду.

Катя кивнула. И провалилась в следующую схватку.

Таня держала её за плечи, пока не отпустило.

Потом Катя выдохнула.

— Вот теперь страшно.

— Знаю.

— Я не про боль.

— Знаю.

Катя посмотрела на Маринку.

Та уже почти заснула у Тани на руках.

Катя поцеловала её в макушку.

— Я вернусь.

Таня ничего не сказала.

Просто посмотрела на неё.

— Ладно, — сказала Катя. — Я постараюсь быстро.

— Вот это хорошо.

Дорога заняла меньше сорока минут.

Денис ехал быстрее, чем в прошлую поездку.

Катя сидела сзади.

На каждой схватке закрывала глаза и переставала слушать разговор.

— Как Маринка? — спросила она.

— Ты уехала десять минут назад, — сказал Денис.

— И что?

— Таня написала: спит.

— Покажи.

Он не стал спорить. Протянул телефон назад на светофоре.

Сообщение было коротким: «Уснула. Всё хорошо. В добрый час».

Катя вернула телефон.

— Хорошо.

В родильном отделении всё оказалось одновременно знакомым по Таниной истории и совершенно другим.

Те же вопросы, же бумаги, же необходимость ждать в тот момент, когда ждать невозможно.

Но теперь на кровати лежала Катя.

И все разговоры шли о её теле.

Она сразу установила правило:

— Со мной разговаривайте, со мной.

Акушерка посмотрела на неё.

— А с кем ещё?

Катя кивнула в сторону Маргариты.

— Она умеет перехватывать управление.

Маргарита сказала:

— Неправда.

Денис и Катя одновременно посмотрели на неё.

— Хорошо, — сказала Маргарита. — Иногда.

Роды шли медленнее, чем Катя ожидала.

Потом всё ускорилось.

Потом время вообще потеряло смысл.

Оставались отдельные вещи.

Холодная вода маленькими глотками.

Мокрые волосы у висков.

Рука Дениса. Катя сжимала её так сильно, что остались следы от ногтей.

Маргарита безмолвно стояла у стены, когда вмешиваться было нельзя.

У акушерки был низкий спокойный голос.

Катя несколько раз говорила, что больше не может.

Никто не отвечал, что может.

За это она была им благодарна.

Первая девочка родилась после полудня.

Крик пришёл сразу.

Резкий, возмущённый.

Катя услышала и начала смеяться раньше, чем увидела ребёнка.

— Всё? — спросила она.

Акушерка посмотрела на неё.

— Половина.

Катя закрыла глаза.

— Ненавижу вас.

— Потом.

Девочку положили ей на грудь ненадолго.

Тёплая. Мокрая. Тяжелее, чем Катя представляла.

Она коснулась губами головы.

— Привет.

Денис молча стоял рядом.

Катя посмотрела на него.

— Не знаешь, что сказать?

Он кивнул.

— Хорошо. Уже было.

Через несколько минут ребёнка забрали для осмотра.

И комната изменилась.

Второй ребёнок не торопился появляться.

Катя видела по лицам, что что-то идёт не так. Не катастрофа. Но теперь врачи говорили короче, двигались быстрее, попросили Дениса отойти.

— Что происходит? — спросила Катя.

Ей объяснили.

Вторая девочка сохраняла нормальное сердцебиение, но положение было неудобным. Нужно было помочь. Если не получится — план придётся менять.

— Как менять?

Ей сказали.

Катя слушала.

Потом спросила ещё раз про риск.

Получила ответ.

— Хорошо.

Маргарита подошла ближе.

— Ты уверена?

Катя посмотрела на неё.

— Нет.

— Я могу...

— Я сказала хорошо.

Маргарита кивнула и отступила.

Вторая родилась через двадцать минут после первой.

Катя не запомнила время.

Помнила другое.

Тишину.

Короткую.

Но слишком длинную.

Ребёнка унесли к столу, и она не кричала.

— Почему тихо?

Никто не ответил сразу.

— Почему она тихо?

Денис смотрел туда же.

Маргарита стояла неподвижно.

Потом девочка вдохнула.

И закричала.

Тише первой.

Но этого было достаточно.

Катя закрыла лицо ладонями.

Через какое-то время ей принесли обеих.

Теперь они лежали рядом.

И совсем не были похожи.

Первая была крупная и сердитая. Во сне морщила лоб, словно ей уже что-то не нравилось.

Вторая казалась почти невесомой рядом с сестрой. Узкое лицо. Длинные пальцы. Она быстро затихла и провалилась в сон.

— Они разные, — сказала Катя.

— Конечно, — ответила Маргарита.

— Я знаю. Просто...

Катя не договорила.

До сих пор «двойня» была словом.

Теперь перед ней лежали два отдельных человека.

Одна зашевелилась.

Вторая даже не проснулась.

— Имена? — спросила акушерка позже, уже в палате.

Катя посмотрела на Дениса.

Он покачал головой.

— Пока нет.

— Тогда в карточках будут первая и вторая до регистрации.

— Ужасно, — сказала Катя.

— Это ненадолго.

* * *

Вечером позвонила Таня.

Маринка была у неё на руках и пыталась вырвать телефон.

— Показывай, — сказала Таня.

Катя повернула камеру.

Сначала одну люльку.

Потом вторую.

Таня долго молчала.

— Обе?

— Обе.

— Ты как?

— Живая.

— Это я вижу.

— Устала.

— Верю.

Маринка наконец добралась до телефона.

На экране появилось её лицо совсем близко.

— Ма.

— Привет.

Катя почувствовала, как сразу сводит горло.

— Смотри, кто тут.

Она показала первую девочку.

— Ляля, — сказала Маринка.

— Да.

Катя перевела камеру на вторую.

Маринка посмотрела.

Потом снова на первую.

— Ещё ляля.

Девочка нахмурилась.

— Не.

Таня засмеялась.

— Я тоже так сказала.

— Как вы там? — спросила Катя.

— Нормально. Она тебя ищет. Но терпит.

— Дай ей меня.

— Она уже держит телефон.

Маринка действительно прижала экран к щеке.

Катя закрыла глаза на секунду.

Когда открыла, Таня спросила:

— Имена придумали?

— Нет.

— Тогда первая и вторая?

— Не нагнетай.

Таня улыбнулась.

— Европа и Америка всё ещё свободны.

Денис, сидевший у окна, сказал:

— Нет.

Таня услышала.

— Я не с тобой разговариваю.

Катя рассмеялась.

Первая девочка проснулась и сразу заплакала.

— Кто это? — спросила Таня.

Катя взяла ребёнка.

— Первая.

— Ужас.

— Вот именно.

— Европа.

— Таня.

— Посмотри на неё.

Катя посмотрела.

Ребёнок кричал, сморщив лицо, и никак не реагировал на собственное предполагаемое географическое звучание.

— Европа, — повторила Катя.

Денис застонал.

— Только не принимай решения после родов.

— Почему?

— Ты не спала сутки.

— Очень разумно. Тогда вторую назовёшь ты.

Он посмотрел на другую люльку.

Помолчал.

— Я пас.

Таня сказала:

— Америка.

Катя начала смеяться так, что пришлось придержать ребёнка обеими руками.

— Всё. Готово.

— Кать.

— Что?

— Ты серьёзно?

Она посмотрела на одну девочку.

Потом на другую.

— Не знаю.

На следующее утро имена всё ещё казались смешными.

К вечеру — уже меньше.

Через день медсестра хихикнула:

— Европа Сергеевна?

Катя поправила:

— Денисовна.

И только потом поняла, что ответила автоматически.

Когда Денис пришёл, она сказала:

— Кажется, всё.

— Что всё?

— Имена прилипли.

Он посмотрел на детей.

— Америка Денисовна звучит как наказание.

— Переживёт.

— А Европа?

— Тоже.

Он улыбнулся.

— Ладно.

— Вот и хорошо.

Дом встретил их не праздником, а нехваткой рук.

Америка проснулась ещё в прихожей.

Европа через минуту ответила.

Маринка увидела Катю, бросила игрушку и пошла к ней так быстро, как умела. На середине дороги упала, поднялась и пошла дальше.

— Ма!

Катя стояла с переноской в руках.

— Иди сюда.

Таня перехватила переноску.

— Бери Маринку.

Катя опустилась на корточки. Маринка врезалась в неё всем телом, обняла за шею и сразу захныкала.

Не громко.

Обиженно.

Катя прижала её к себе.

— Я знаю.

Маринка ткнулась лицом ей в плечо.

За спиной вопила Европа.

Америка не отставала.

Денис таскал сумки.

Маргарита снимала с Америки слишком тёплое одеяло и одновременно спорила с Таней, где поставить вторую кроватку.

— Не здесь.

— Почему?

— Сквозняк.

— Какой сквозняк?

— От окна.
— Марга, окно заклеено.
— Всё равно нет.
Катя подняла голову.
— Можно пять минут ничего не решать?
Все замолчали.
Даже близнецы на секунду затихли.
Катя села прямо на лавку в прихожей, Маринка всё ещё висела у неё на шее.
Через десять секунд Европа заплакала снова.
— Всё, — сказала Таня. — Пять минут закончились раньше.
В первую ночь никто не спал.
Девочки плакали одновременно. Потом плакали по очереди.
Когда засыпала Европа, просыпалась Америка.
Когда Америка наконец поела, Маринка начинала искать Катю.
В два часа ночи Денис сидел на полу возле кроватки и пытался понять, кто из детей только что поел.
— Европа, — сказала Таня.
— Точно?
— Нет.
— Тогда почему говоришь?
— Ты спросил.
Маргарита появилась в дверях с тетрадью.
Катя увидела.
— Нет.
— Что?
— Убери.
— Я записываю время кормлений.
— Нет.
— Катя, их две.
— Именно поэтому. Ты через час сойдёшь с ума.
— Я не сойду.
Таня сказала:
— Сойдёшь.
Маргарита посмотрела на неё.
— Спасибо за поддержку.
Америка заплакала.
Маргарита отложила тетрадь и взяла её на руки.
— Кто это?
Денис спросил:
— Ты серьёзно?
— Я спала двадцать минут.
Катя засмеялась.
Маринка проснулась от смеха.
Через минуту в комнате плакали уже трое детей.
— Всё, — сказала Таня. — Теперь точно семья.
Никто не ответил.
Не до того было.
* * *
Через неделю они научились различать детей в темноте.

Не по лицу.

По тому, как брали грудь. Как сопели. Как сердились, когда их переодевали. Как лежали на руках.

Европа быстрее просыпалась и быстрее требовала. Америка долго раскачивалась между сном и бодрствованием, зато могла заснуть там, где сестра возмущалась любому звуку.

Маринка тоже выработала собственную систему.

Сначала она игнорировала обеих.

Потом начала приносить им игрушки.

Только плохие.

В кроватке Европы однажды нашли деревянное кольцо, тряпичного зайца без уха и носок.

— Марин, это ты? — спросила Таня.

Маринка кивнула.

— Подарки?

— Да.

— А хороший заяц где?

Маринка обняла целого зайца обеими руками.

— Ясно.

Потом ревность стала конкретнее.

Стоило Кате взять одну из младших, Маринка немедленно приходила и просилась на руки.

— Я тоже человек, — переводила Таня.

— Она этого не сказала.

— По лицу видно.

Катя садилась, брала Маринку второй рукой, и какое-то время на ней лежали двое детей.

Иногда третья начинала плакать рядом.

Тогда подходил тот, у кого были свободны руки.

Денис.

Таня.

Маргарита.

Кто услышал первым.

Иногда одна девочка плакала у Кати, вторая была у Дениса, а Маринка стояла между ними и просилась на руки к Тане. По сменам это всё равно не делилось.

* * *

В декабре выпал снег.

Настоящий, плотный, почти сразу закрывший грязь во дворе. Утром Маринка долго стояла возле окна и показывала пальцем.

— О.

— Снег, — сказала Катя.

— Не.

— Снег.

— Не.

— Хорошо. Не снег.

Америка спала у неё на руках.

Европа лежала в корзине возле печи. Корзину принёс сосед, сказав, что его дети в ней выросли и «ещё двое влезут, если не одновременно».

Денис сначала хотел купить нормальную люльку.

Через три дня признал, что корзина удобнее.

Таня принесла чай.

— Твой.

Катя попробовала.

— Холодный.

— Значит, успела.

За последние недели горячий чай стал теоретическим напитком. Его заваривали горячим. Дальше начиналась жизнь.

Телевизор работал без звука.

Они включали его утром и вечером, но всё чаще забывали смотреть.

Мир снова начал звучать громче. Сначала пришли сообщения о необычно высокой воде на североевропейском побережье, потом об эвакуациях, остановленных дорогах, закрытых участках железнодорожных путей.

Маргарита взяла пульт и прибавила звук.

НИДЕРЛАНДЫ. ДЕКАБРЬ 2028

Расширена эвакуация из нескольких прибрежных районов.

Железнодорожное сообщение на части направлений остановлено.

Причины резкого подъёма воды уточняются.

На экране показывали улицу, по которой вместо машин шла серая вода. Мужчина в жёлтой куртке тащил за собой чемодан на колёсах.

Денис остановился у двери.

— Серьёзно, — сказала Маргарита.

— Вижу.

Катя смотрела на экран.

Потом Америка зашевелилась и начала искать грудь.

Европа услышала сестру и проснулась.

Из соседней комнаты пришла Маринка, волоча за собой одеяло.

Таня выключила звук.

— Я вечером посмотрю, — сказала Маргарита.

Никто не возразил.

Америка плакала.

Европа только собиралась.

Маринка подошла к Кате и подняла руки.

— На.

Катя посмотрела на ребёнка у себя на груди.

Потом на Маринку.

— Денис.

Он подошёл без вопроса и взял Америку.

Таня подняла Европу.

Катя посадила Маринку к себе.

Маргарита снова поставила остывший чайник на плиту.

Несколько минут не говорили о воде.

Маргарита взяла пульт, но звук снова не включила. Через десять минут Америка уснула у Дениса, Европа — у Тани, а Маринка сидела у Кати и грызла корку хлеба.

Катя потянулась к чашке. Чай опять был холодный.

Глава 19

Глава 19. Ключ

В январе пришла оттепель.

С крыши капало. Снег осел, потемнел, вдоль дороги проступили колеи, а возле калитки собралась вода. Денис утром насыпал туда старого щебня и к обеду уже пожалел: щебень ушёл в воду целиком.

В доме было затишье.

Америка спала у Тани на руках, Европа никак не засыпала. Катя сидела возле печи и уже минут десять обещала самой себе встать и поесть.

Маринка ходила от стола к дивану, не касаясь мебели, каждый раз останавливаясь перед открытым пространством посреди комнаты, будто там начиналась другая страна.

Кто-то постучал в калитку.

Не в дверь.

Именно в калитку — несколько раз, с паузами.

Денис поднял голову.

— Ждём кого-нибудь?

— Если ты опять заказал что-то для генератора, — сказала Таня, — я тебя выселю в сарай.

— Ничего я не заказывал.

Маргарита посмотрела на окно.

— Там люди.

Денис вышел.

У калитки стояли трое.

Мужчина, женщина и мальчик. Чемодан стоял рядом с мужчиной — он не выпускал ручку из руки. Чуть позади, у ног женщины, — две дорожные сумки и рюкзак. Не тот объём вещей, с которым переезжают. Скорее тот, с которым уезжают, ещё рассчитывая скоро вернуться.

— Здравствуйте. Нам сказали, здесь есть пустой дом.

Денис посмотрел через дорогу.

Пустых домов в деревне было несколько. Они стояли закрытые — одни с целыми окнами, другие с досками вместо стекла. За некоторыми присматривали соседи. За другими — никто.

— Один найдётся, — сказал Денис. — Но сначала надо понять, в каком он состоянии.

Мужчина кивнул.

— Я Мартен де Врис. Это Элса. Том.

Женщина коротко улыбнулась.

Мальчик смотрел не на Дениса, а во двор, где Маринка уже успела появиться на крыльце вслед за Маргаритой.

— На улицу нельзя, — сказала Маргарита.

Маринка немедленно шагнула наружу.

— Конечно.

Она поймала её под мышки.

Том улыбнулся.

Маринка смотрела на него очень серьёзно.

— Дом далеко? — спросил Мартен.

— В конце улицы. Серый, за большим орехом.

— Можно посмотреть сейчас?

Денис взглянул на обувь Элсы. На мокрые сумки у её ног.

— Сначала занесите вещи.

— Куда?

Вопрос был настолько простой, что Денис не сразу нашёл ответ.

В их дом — некуда. Не в буквальном смысле: угол нашёлся бы. Но Европа только уснула. Америка вот-вот должна была проснуться. Половину кухонного стола занимали пелёнки.

Катя появилась в дверях.

Посмотрела на незнакомых людей.

Потом на вещи.

— Заходите хотя бы чай пить.

— У нас ребёнок, — сказала Элса.

Катя посмотрела на Тома.

— У нас три.

Элса улыбнулась.

Вещи поставили в прихожей рядом с обувью.

Том сидел на полу и наблюдал, как Маринка пытается открутить ухо у плюшевого мишки.

Разговор не получался.

Едва укладывали одну девочку, просыпалась другая. Маринка тем временем отбирала у Тома машинку, на которую до этого даже не смотрела.

Том не заплакал. Только посмотрел на неё.

Маринка посмотрела в ответ.

Потом отдала.

— Уже договорились, — сказала Таня.

Мартен пил чай стоя.

— Дом можно открыть?

— Ключ найдём, — сказал Денис. — Если не найдём — так откроем.

Мартен машинально сунул руку в карман куртки.

Связка ключей коротко звякнула.

Он сразу убрал руку.

Денис заметил, но ничего не спросил.

Ключ от пустого дома нашёлся у соседей.

Денис отпер дверь и протянул ключ Мартену.

— Дом твой. Пусть и ключ будет у тебя.

Дом оказался в лучшем состоянии, чем Денис ожидал.

Окна были целы. Крыша, по крайней мере изнутри, не текла. В сенях пахло сыростью, холодной золой и мышами. На полу ковром лежали высохшие листья, принесённые ветром ещё осенью. На кухне нНашёлся стол, накрытый клеёнкой в мелкий синий цветочек. По краю клеёнка завернулась и затвердела.

— Жить можно, — сказал Мартен.

Денис посмотрел на ледяное ведро возле печи.

— Сначала неплохо бы добиться плюсовой температуры.

Мартен уже снимал куртку.

— Есть дрова?

Дрова нашлись в сарае.

Печь дымила в комнату.

Денис полез проверять заслонку. Мартен пошёл проверять трубу. Через несколько минут вернулся с чёрной полосой на щеке и сказал:

— Там птица когда-то жила.

— Сейчас?

— Уже нет.

— Это радует.

Они вытащили из дымохода старое гнездо, протопили печь, открыли окна. Холодный воздух прошёл через дом, вынося застойный запах.

Элса тем временем нашла веник, потом вместе с Таней принесли ведро горячей воды. Катя осталась с младшими. Маргарита взялась проверять, не промёрз ли водопровод в пустом доме окончательно.

Он промёрз.

— Хорошая новость, — сказала она, вернувшись из подпола. — Труба не лопнула.

— А плохая?

— Воды нет.

Мартен пожал плечами.

— Колодец есть?

— Есть.

— Тогда вода будет.

К вечеру одна комната уже прогрелась так, что можно было снять свитер.

Пока взрослые таскали вещи, Том уснул прямо на полу, на сложенной куртке. Маринка пришла посмотреть на новый дом, но сперва не хотела заходить. Потом увидела Тома, переступила порог и села рядом, придерживаясь рукой за стену.

Он проснулся.

Она протянула ему деревянное кольцо от пирамидки, которое принесла с собой.

Том взял.

Катя, стоявшая в дверях с Европой на руках, сказала:

— Вот теперь считай, что приняли.

— Спасибо.

— Рано. Ночью узнаем, как печь держит тепло.

— Спасибо не за печь.

Катя хотела ответить, но Европа заплакала.

— Мне пора.

Она ушла.

Мартен снова сунул руку в карман.

На этот раз вытащил связку.

Ключ от нового дома он отделил и положил на стол.

Другой остался у него в ладони.

Обычный ключ.

Небольшой, потемневший от времени.

Мартен посмотрел на него несколько секунд и убрал обратно.

* * *

Ночью мороз вернулся.

Утром окна нового дома покрылись льдом изнутри. Печь грела хорошо. Мартен встретил Дениса в носках, с кружкой в руке, и сказал:

— Тепло.

Денис принёс инструменты.

С водой пришлось повозиться.

Насос стоял в подполе. Денис поднял автомат — тот сразу щёлкнул обратно.

Мартен посветил фонариком вдоль провода. Возле самого пола мыши перегрызли кабель, обглоданные жилы замкнули.

Денис срезал перегрызенный кусок, скрутил жилы и замотал изолентой.

На этот раз автомат не выбило. Насос загудел, вода пошла — и тут же брызнула из старой муфты на напорной трубе: проржавела насквозь.

Денис выключил насос. Такой муфты в деревне не нашлось.

— В районе есть, — сказал Денис.

— Поедем?

— Можно попробовать.

Попробовали.

В магазине им объяснили, что партия должна была прийти неделю назад.

— Должна была, — повторил продавец. — Но машина не пришла.

— Когда будет?

Тот пожал плечами.

— Может, завтра. Может, через неделю. Сейчас с поставками туго.

Мартен сказал:

— Тогда не надо.

— В смысле?

— Если дом зависит от одной детали, которой нет, значит, надо делать иначе.

Денис посмотрел на него.

— Это ты сейчас меня провоцируешь?

— Нет.

— Жаль.

Вернулись без муфты.

В мастерской нашли старую латунную деталь, которая подходила после переделки. Денис сначала сказал, что это временно.

Мартен спросил:

— Насколько?

— Пока не привезут нормальную.

— Неделя?

— Может.

— Месяц?

— Может.

Мартен улыбнулся.

— Хорошее слово — временно.

Денис ничего не ответил.

Они сделали временно.

Насос заработал к вечеру.

Вода сначала пошла ржавая, потом светлее. Мартен долго держал ладонь под струёй, хотя вода была ледяная.

— Выключай, — сказал Денис. — Руку заморозишь.

Мартен закрыл кран.

На связке у него звякнули ключи.

На этот раз Денис спросил:

— От прежнего дома?

Мартен посмотрел на него.

Потом вытащил тот самый ключ.

— Да.

— Дом остался?

— Остался.

— Тогда почему ключ здесь?

Мартен покрутил его между пальцами.

— Дверь тоже осталась.

Денис ждал.

Мартен усмехнулся без веселья.

— Ты спрашиваешь, почему мы не дома.

— Если не хочешь — не говори.

— Я хочу. Просто ответ короткий.

Он сел на край верстака.

— Дом стоит. На последних снимках стоял. До него нельзя добраться. Улица под водой. Район закрыли. Сначала сказали на несколько дней. Потом ещё на несколько.

— Вещи?

— Там.

— Всё?

Мартен посмотрел на ключ.

— Почти всё.

Из соседней комнаты донёсся голос Элсы. Она звала Тома.

Мартен встал.

— Пойдём. Иначе он опять полезет к печке.

Разговор закончился так же, как начался: посреди работы.

* * *

Вечером, уже дома, Денис включил новости.

НИДЕРЛАНДЫ. ЯНВАРЬ 2029

Эвакуация расширена ещё на несколько прибрежных районов.

Сроки возвращения жителей не определены.

Маргарита прочитала строки вслух.

Денис посмотрел в окно. В конце улицы, за большим орехом, теперь горел свет.

В этот момент вошёл Мартен.

— Есть лишняя лопата?

Денис повернулся.

— Есть. А что?

— Вода от сарая идёт к фундаменту. Пока не замёрзло снова, надо отвести.

Денис выключил экран.

— Пойдём.

* * *

Через две недели Мартен перестал быть «тот голландец».

Сначала для Дениса.

Потом для остальных.

Он просто стал Мартеном, который знал, где лежит длинный удлинитель, возвращал инструменты не туда, откуда взял, и всегда приходил слишком рано, если договаривались что-то делать утром.

Элса уже обустроила дом. Не для красоты — на неё пока не было сил, — а так, чтобы можно было жить. На подоконнике появились две кружки. На спинке стула — детская кофта. У печи — маленькие, постоянно промокшие ботинки Тома.

Том захаживал к Маринке каждый день.

Они ещё не играли вместе. Скорее существовали рядом: Маринка таскала кубики, Том строил башню, она её ломала. Он сначала сердился, потом начал строить быстрее.

Однажды башня выдержала три секунды.

Таня похлопала.

— Рекорд.

Маринка немедленно разрушила её.

Том посмотрел на Таню.

— Она всегда так?

— Пока да.

— Почему?

Таня подумала.

— Потому что может.

Катя, кормившая Америку у окна, засмеялась.

— Прекрасная педагогика.

— У меня свободный подход.

Мартен пришёл за Денисом.

— Есть минут десять?

— Что сломалось?

— Пока ничего.

— Подозрительно.

Они вышли.

За январь в деревне заселились ещё два пустовавших дома. Приезжали с родственниками или почти налегке. Некоторые собирались задержаться лишь на несколько дней, но оставались надолго. Старые колодцы проверяли один за другим.

Денис несколько вечеров подряд рисовал схему.

Мартен увидел её на кухонном столе.

— Что это?

— Вода.

— Это линии.

— Линии воды.

— А это?

— Колодцы. Здесь ручной. Здесь насос. Этот надо чистить. Тут резервная ёмкость.

Мартен посмотрел ещё раз.

— Ты строишь систему на случай, если всё опять сломается?

— Я строю систему, чтобы один сломанный насос не оставил всю улицу без воды.

— Это другое?

Денис задумался.

— Да.

— Почему?

— Я не хочу жить в ожидании катастрофы. Я хочу, чтобы обычная поломка перестала быть катастрофой.

Мартен кивнул.

Потом показал на схему.

— А электричество?

— Следующий лист.

— Еда?

— Огород есть.

— Зимой?

— Не начинай.

Мартен улыбнулся.

— Я только спросил.

* * *

Через несколько дней к схеме воды добавилась схема электричества.

Не потому, что Денис мечтал превратить деревню в независимую республику.

Январский ледяной дождь оборвал линию на сутки.

За эти сутки в двух домах встали насосы, у кого-то замёрзла труба, а холодильник с лекарствами пришлось переносить туда, где работал генератор.

Один генератор на всю деревню оказался убедительным аргументом.

Солнечные панели уже стояли на нескольких крышах. Аккумуляторы нашлись и старые, и новые. У одного соседа в сарае обнаружился инвертор, купленный ещё до войны и так и не установленный. На ручье ниже деревни сохранилась маленькая турбина, которую когда-то использовали, а потом забросили.

Всё это по отдельности было почти бесполезно.

Вместе — уже нет.

Маргарита посмотрела на очередной лист Дениса и сказала:

— Ты опять счастлив.

— Я не счастлив.

— У тебя схема.

— Это ничего не значит.

Таня заглянула через плечо.

— У него две схемы.

— Тогда всё серьёзно.

Катя сидела рядом и качала Европу в корзине ногой.

— Главное, чтобы вы не решили построить новую цивилизацию до весны.

Денис сказал:

— До весны не успеем.

Мартен, сидевший на другом конце стола, тихо сказал:

— Я бы не строил новую.

Все повернулись.

Он пожал плечами.

— Старая ещё не закончилась.

Никто не стал спорить.

* * *

В феврале холод взялся за деревню всерьёз.

По утрам дерево трещало так громко, что Том несколько раз выбегал во двор смотреть, что сломалось. Не сломалось ничего. Мороз делал обычные звуки резкими.

У одного колодца упал уровень воды.

На втором насос стал отключаться под нагрузкой.

Панели на одной из крыш замело снегом — никто не вспомнил, что их надо чистить.

Аккумулятор, на который Денис рассчитывал как на резерв, умер в первую же ночь.

— Отличный план, — сказала Маргарита.

— Это не план умер.

— Конечно. Аккумулятор просто не выдержал ответственности.

Мартен засмеялся.

Денис бросил в него перчаткой.

Работы оказалось больше, чем людей, которые умели её делать.

Это постепенно стало главным.

Не панели, колодцы и провода.

Люди.

Одни варили металл, другие чинили насосы. Те, кто никогда не занимался ни тем ни другим, тоже находили себе дело: готовили для всех или присматривали за детьми, пока остальные возились у ручья.

Однажды Денис вернулся домой затемно и обнаружил, что Маринка спит у Элсы, Европа — у Тани, Америка — на руках у Кати, а Маргарита сидит на кухне и подписывает банки с чем-то непонятным.

— Где все?

— Все здесь.
— Я про Мартена.
— У генератора.
— Он там один?
— Нет.
— Кто с ним?
Маргарита назвала двоих соседей.
Денис уже тянулся к куртке.
— Сядь.
— Там...
— Там три взрослых человека.
— Они не знают схему.
— Мартен знает.
Денис остановился.
Маргарита продолжила подписывать банки.
— Вот видишь. Очень полезный опыт.
— Какой?
— Мир способен просуществовать десять минут без тебя.
— Я в этом никогда не сомневался.
— Конечно.
Он всё-таки сел.
Катя, не открывая глаз, сказала с дивана:
— Сними ботинки.
Денис посмотрел вниз.
Он сидел на кухне в грязных ботинках.
— Чёрт.
— Цивилизация начинается с прихожей, — сказала Таня.
* * *
К марту снег начал уходить с южных склонов.
Вместе с ним обнаружилось всё, что зима великодушно скрывала: мусор вдоль дороги, сломанный забор возле школы, промоина за мастерской, куча старых досок, которые ещё осенью нужно было перебрать.
Деревня выглядела побитой, но живой.
Во дворах двух новозаселённых домов теперь сушилось бельё. Из одного по утрам выбегала собака. Возле двери грустили забытые детские санки.
Мартен стоял с Денисом у ручья и смотрел, как вода идёт поверх старого бетонного края.
— Здесь можно запустить турбину на лето, — сказал Денис. — Если расчистить.
— Можно.
— А к осени поставить нормальную защиту.
— Можно.
Денис посмотрел на него.
— Что?
— Ты всё время говоришь «можно» таким голосом, будто сейчас будет «но».
Мартен сунул руки в карманы.
— Но.
— Ну вот.
— Мы это на сколько делаем?
— Что именно?
Мартен обвёл рукой ручей, деревню за деревьями, провода.

— Всё.
— Не понял.
— На год?
Денис молчал.
— На пять? На двадцать?
— А какая разница?
— Большая.
— Труба не знает, на сколько лет её поставили.
— Человек знает.
Денис посмотрел на воду.
Мартен продолжил:
— Если мы здесь до следующей зимы, надо делать одно. Если здесь будут жить дети — другое.
— Ты собираешься уезжать?
Мартен не ответил сразу.
— Я не знаю.
— Дом?
— Стоит.
— Вернуться можно?
— Нет.
— Тогда чего ты ждёшь?
Мартен посмотрел на него.
Вопрос прозвучал жёстче, чем Денис хотел.
— Извини.
— Ничего.
Мартен присел, поднял с земли мокрую ветку и бросил в воду.
— Я жду, что снова можно будет открыть дверь своим ключом.
Денис ничего не сказал.
Ветка зацепилась за камень, покрутилась, потом уплыла дальше.
Через несколько минут Мартен спросил:
— Так на сколько лет?
Денис усмехнулся.
— Давай хотя бы не делать так, чтобы через год пришлось переделывать.
— Это ответ инженера.
— Другого у меня нет.
— Хорошо.
Они направились к мастерской.
По дороге Денис сказал:
— Вообще нужны четыре вещи.
— Какие?
— Вода. Земля. Еда. Люди.
Мартен посмотрел на него.
— Электричество забыл.
— Электричество — пятая.
— Очень удобно менять теорию по ходу разговора.
— Она новая.
— Видно.
Денис рассмеялся.
* * *

К концу марта схема на кухонной стене перестала быть денисовой.

На схеме появились глубина колодца и стрелка к огородам.

Маргарита добавила медпункт и два вопросительных знака возле резервного питания.

Таня написала в углу: «ЛЮДИ ТОЖЕ ЕДЯТ».

Катя пририсовала ниже: «И СПЯТ».

Мартен поставил возле ручья маленький крестик там, где весной размывало берег.

Денис однажды попытался переписать всё аккуратно.

Ему не дали.

— Это уже не твоя схема, — сказала Катя.

— Она нечитаемая.

— Зато работает.

— Это разные вещи.

— Привыкай.

Он оставил как есть.

В тот же вечер они зашли в гости к де Врисам.

Элса испекла пирог. Том прибежал позвать Маринку.

В доме было тепло.

На клеёнке с синими цветами стояли чашки. На стене возле двери появился крючок для ключей.

Денис заметил: на крючке висел ключ от этого дома.

Старого рядом не было.

Позже, когда все уже собирались уходить, Денис спросил:

— А тот ключ где?

Мартен понял сразу.

Коснулся кармана.

— Здесь.

— Не повесишь?

Он покачал головой.

— Пока оставлю у себя.

* * *

Сообщения об инфекции в последние недели появлялись всё чаще. Сперва — короткие заметки. Вскоре тема уже не сходила из новостей.

АФРИКА. АПРЕЛЬ 2029

Зарегистрированы вспышки тяжёлой инфекции с высокой летальностью.

Расширены международные санитарные меры.

Происхождение возбудителя не установлено.

Официальные сообщения повторяли: данных недостаточно.

Неофициальные знали всё.

Версии множились: мутация, бедность, война, разрушенная медицина. Появлялись и обвинения в адрес лабораторий и армий — с перечислением конкретных виновных. Каждая новая версия была окончательной ровно до следующего вечера.

* * *

В апреле Маринка заболела.

Утром была капризнее обычного, отказалась от каши и всё время просилась на руки. Таня решила, что режутся зубы. Катя потрогала лоб и сказала:

— Горячая.

Термометр показал тридцать восемь и две.

Через час — тридцать девять.

Маргарита пришла с улицы, сняла куртку и сразу вымыла руки.

— Пьёт?

— Плохо, — сказала Таня.

— Рвота?

— Нет.

— Кашель?

— Немного.

Маргарита присела возле дивана.

Маринка лежала у Тани на руках и не протестовала, когда её осматривали. Это само по себе было плохим признаком: обычно любое прикосновение, которое она не заказывала, вызывало возмущение.

— В район позвоню, — сказала Маргарита.

Денис уже доставал телефон.

— Я сам.

— Позвони.

Связь была.

Машины не было.

В больнице сказали, что транспорт занят и, если состояние не ухудшается, лучше пока наблюдать дома. Денис дослушал и передал телефон Маргарите. Она задала несколько вопросов и положила трубку.

Таня посмотрела на неё.

— Что?

— Пока ничего.

— Я ненавижу «пока».

— Я тоже.

Катя дремала с Европой на коленях. Америка спала в корзине у печи.

За последние месяцы в доме научились жить сразу в нескольких ритмах. Младенческие кормления, Маринкины шаги, ночные пробуждения, работа во дворе, Мартеновы провода и насосы. С болезнью Маринки всё остальное сразу отошло на второй план.

Денис спросил:

— Можно отвезти самим?

— Можно, — ответила Маргарита. — Но я бы сначала ещё раз посмотрела через час.

— Почему?

— Она пьёт. Дышит нормально. Сознание ясное. И таскать ребёнка с жаром сорок минут по дороге только для того, чтобы услышать то же самое, тоже не всегда полезно.

— А если это оно?

Маргарита подняла глаза.

Никто не спросил, что именно он имеет в виду.

Маргарита быстро пресекала такие разговоры сразу.

— Нет причин связывать её температуру с тем, что происходит там.

Денис кивнул.

Через десять минут спросил:

— А оснований не связывать?

— Денис.

— Я просто спрашиваю.

— Нет. Ты превращаешь отсутствие данных в задачу, которую можно решить, сидя на кухне.

Таня тихо сказала:

— Можно сегодня не тащить все новости мира?

Все замолчали.

Маринка зашевелилась у неё на руках.

— Пить, — сказала Таня.

Девочка отвернулась.

— Марин.

— Не.

— Два глотка.

— Не.

— Один.

Маринка посмотрела на неё.

— Один.

Таня дала кружку.

Девочка сделала два глотка и снова спрятала лицо.

— Обманула, — сказала Катя.

Температура не падала.

К вечеру Маринка стала вялой, и тогда решение стало очевидным.

— Едем, — сказала Маргарита.

Денис уже поднялся.

— Я довезу.

Маргарита кивнула.

— Дома я могу слушать, смотреть и считать. Анализы здесь не сдать.

Таня уже одевала Маринку.

Катя осталась с младшими.

В машине Маринка сразу уснула.

Маргарита сидела рядом и время от времени проверяла её, но не будила.

До больницы доехали быстро.

Маринку осмотрели, взяли анализы, оставили на несколько часов. Ничего специфического для новой инфекции не обнаружили. Обычная детская болезнь тоже не стала от этого приятнее, но к ночи температура начала снижаться.

Таня сидела на стуле возле кровати и держала Маринку за ногу.

Денис спросил:

— Не оно?

— Не оно, — сказала Маргарита.

Таня выдохнула и опустила голову на край кровати.

— Всё нормально? — спросил Денис в третий раз.

Маргарита ответила:

— Сейчас — да.

Когда они возвращались, Таня спала, прислонившись к стеклу. Маринка лежала на коленях у Маргариты.

Дома ждала Катя.

— Не оно, — сказала Маргарита с порога.

Катя кивнула и села прямо на лавку в прихожей.

* * *

Утром Маринка проснулась без температуры и потребовала хлеб.

Таня дала ей кусок.

— Всё. Здоровая.

Маргарита сказала:

— Не всё.

— Я знала, что ты испортишь момент.

— Наблюдаем ещё день.

Маринка уже пыталась слезть с дивана.
— Наблюдай быстрее.